

Э.Г. ЗАДОРЖНЮК

ОТ КРУШЕНИЯ
ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ
К ТРИУМФУ
«БАРХАТНОЙ»
РЕВОЛЮЦИИ

Из истории
оппозиционного движения
в ЧЕХОСЛОВАКИИ
(АВГУСТ 1968 – НОЯБРЬ 1989 г.)

Элла Задорожнюк

**От крушения Пражской весны к
триумфу «бархатной» революции.
Из истории оппозиционного
движения в Чехословакии
(август 1968 – ноябрь 1989 г.)**

«Индрик»

2008

Задорожнюк Э. Г.

От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции.
Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968
– ноябрь 1989 г.) / Э. Г. Задорожнюк — «Индрик», 2008

Данная работа – первое в отечественной историографии научное исследование, посвященное истории чехословацкого оппозиционного движения и его важнейшей составляющей – диссидентства; анализируются основные формы и направления оппозиционной деятельности; прослеживаются перипетии формирования широкого спектра противостоявших «режиму нормализации» независимых инициатив и структур; дана их типология и эволюция программных установок; зафиксирована смена парадигмы оппозиционной деятельности – переход от политической активности к концепции «неполитической политики». В приложении представлены избранные документы основных составных частей чехословацкого оппозиционного движения. Для историков, политологов, преподавателей, студентов.

© Задорожнюк Э. Г., 2008

© Индрик, 2008

Содержание

Введение	6
Глава 1. Чехословацкое оппозиционное движение на начальном этапе «нормализации». Август 1968 г. – август 1969 г.	15
§ 1. Противостояния осени 1968 г.	15
§ 2. Эскалация сопротивления	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Элла Задорожнюк
От крушения Пражской весны к триумфу
«бархатной» революции. Из истории
оппозиционного движения в Чехословакии
(август 1968 – ноябрь 1989 г.)

© Задорожнюк Э. Г., текст, 2008

© Издательство «Индрик», 2008

* * *

Введение

Оппозиционное движение в Чехословакии на протяжении заключительного 20-летнего периода ее истории как социалистической страны – феномен для анализа предельно сложный. Это вызвано в первую очередь тем, что рассматриваемое движение носило нелинейный характер и отличалось большими и малыми подъемами и спадами, а также тем, что в качестве ведущих в нем выступали силы разной идейно-политической направленности, между которыми могли возникать (и возникали!) весьма непростые отношения. Так что цельная его история – задача скорее поставленная, чем решенная, даже в рамках чешской и словацкой (а до 1993 г. чехословацкой) историографии.

Следует подчеркнуть, что указанное оппозиционное движение имеет в хронологическом плане достаточно четко фиксируемые индикаторы: от 21–22 августа 1968 г. по 17 ноября 1989-го. Термин «нормализация», появившийся еще в злосчастном для судеб страны Московском протоколе 26 августа 1968 г., стал обозначением для открыто провозглашенного и последовательно проводившегося стремления нового руководства КПЧ решительно дистанцироваться от инициированных Пражской весной попыток реформирования советской модели социализма. Однако и этот термин наполнялся в разные исторические отрезки отмеченного двадцатилетия неодинаковыми смыслами: т. е. «нормализация» конца 1968 г. и даже 1969 г. никак не похожа на «нормализацию» весны 1971 г., а последняя – на таковую после 1985 г. Общим для них всех было признание политического доминирования КПЧ, но и здесь можно обнаружить ряд парадоксов. Один из них заключается в том, что поначалу большинство КПЧ в идеологическом плане ориентировалось на «социализм с человеческим лицом»; будучи оттесненными с властных позиций, коммунисты-реформаторы маркировались даже официально противоречивыми названиями: то как «правый оппортунизм», то как «левый ревизионизм», при этом критика их отступничества сводилась к прямолинейному призыву вернуться непонятно к какой «норме».

Весьма трудно разобраться также в разных по генезису и целям составных частях чехословацкого оппозиционного движения; эта задача, несмотря на обилие материалов, еще в значительной мере не решена, а во многом и не поставлена в отечественной и зарубежной историографии. На наш взгляд, этому препятствуют некоторые идеологические барьеры, поскольку представители разных направлений (и даже фракций) оппозиционного движения стремились и сегодня еще стремятся монополизировать в статьях и мемуарах свое место в нем, игнорируя другие направления.

В принципе историю данного движения предельно схематично можно представить в виде своеобразной параболы: на точке первого его взлета были мощные протестные движения против ввода в Чехословакию войск стран Варшавского договора и работа XIV Высочанского съезда КПЧ, а на точке второго – массовые демонстрации в Праге, а затем и во всей стране, положившие начало «бархатной» революции в Чехословакии. При этом надо учесть некоторое отставание от революционных преобразований в ряде других стран «социалистического содружества».

Между этими датами и проходил с разными степенями интенсивности многовекторный процесс так называемой нормализации. Указанный термин, как следует из документов, впервые был употреблен в Москве в августе 1968 г. скорее в качестве некой метафоры. Но после прошедшего в апреле 1969 г. пленума ЦК КПЧ его применяли уже для обозначения последовательного жесткого политического курса. Многозначность тут не подлежит сомнению, но смысл трактовок в ходе реализации упомянутого курса прояснялся с течением времени довольно четко: любая оппозиция режиму «нормализации» – не что иное, как контрреволюция. Соответственно и противостоявшие этому режиму силы трактовали последний как неостановимую

деградацию власти, хотя альтернативы «нормализации» выдвигались совсем разные, иногда полярные ¹.

В целом наше исследование оппозиционного движения ориентировано на выявление соотношения внешних и внутренних факторов в деятельности оппозиции. Ее история показывает, что предпосылки в ЧССР для интенсификации оппозиционного движения наличествовали на всем протяжении рассматриваемого периода, то есть с августа 1968 г. до ноября 1989 г., но своеобразными «пусковыми механизмами» движения служили мощные внешние факторы.

Характерные примеры: оппозиция отреагировала на 1973-й, а затем на 1975 год, когда в Хельсинки был подписан Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), точечными выступлениями, которые продолжались вплоть до 1977 г. Важным стимулом ее деятельности стал и 1981 год, знаменовавшийся появлением «Солидарности» в соседней Польше, не говоря уже о ключевой дате – 1985 г., когда в СССР начался противоречивый, но в международном плане весьма значимый перестроечный процесс.

Выявление этих моментов показывает, что в общем во взаимодействии внешних и внутренних факторов первые оказывали едва ли не определяющее влияние на возникновение новых форм и способов оппозиционного движения. Это неудивительно, поскольку Чехословакия, находясь в центре Европы, по-живому реагировала на любые геополитические, идеологические и т. д. сдвиги, начиная от поисков новых форм взаимодействия между конфронтирующими частями Европы (и Америки) и заканчивая трансформациями самой идеи социализма. То есть страна выступала неким сейсмографом не только уже наступивших, но и созревающих политических сдвигов на политическом пространстве Европы, являясь местом новых импульсов в развитии социалистических, националистических, либеральных или других воззрений. Часто неформальные движения, ориентировавшиеся на ту или иную идею, не носили массового характера (как, например, в Польше), не приводили к внутренним сдвигам в рамках правящих партий (как в Венгрии). Тем не менее они весьма значимы для истории оппозиционного движения в рамках региона в целом.

Важным является также выявление соотношения мифического и реального наполнения тех или иных движений. Оппозиционное движение в Чехословакии приобрело массовый характер лишь ко времени «бархатной» революции 1989 г., в то же время его лидеры и на предыдущих этапах зачастую стремились представить ту или иную протестную структуру в качестве мощной политической силы. Более того, они претендовали на преемственность старых идеологических постулатов (опираясь во многом на свою историческую память, например, на идею «социализма с человеческим лицом») или на создание принципиально новых. В этом особо преуспели хартисты и, в частности, В. Гавел: его идеи «неполитической политики», «власти безвластных», выраженные в форме броских оксюморонов, активно входили в лексикон мировой политической идеологии. Лишь дальнейшие события показали, что разговоры о подобном «наличии отсутствия» политики, стремления к власти и т. п. как раз и являлись способом достижения последней (а в чем-то, согласно довольно злому, хотя и спорному мнению английского исследователя Дж. Кина, даже формой изощренного макиавеллизма); об этом, в частности, свидетельствует и успешная государственная карьера Гавела.

¹ Предельно жестко лозунг собственно «нормализации» был провозглашен в декабре 1970 г. в документе «Уроки кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда КПЧ»; курс на нее во многом исчерпался лишь к серединам 1980-х годов, к моменту начала перестройки в СССР. В целом термином «нормализация» можно обозначить период, характеризовавшийся: а) присутствием советских войск на территории ЧССР; б) доминированием во властных структурах КПЧ; в) преследованием оппозиции; г) замороженностью национально-государственного вопроса; д) просоветской внешней политикой; е) жесткой идеологической и умеренной культурной цензурой. В этом плане «мягкая» нормализация охватывает периоды с августа 1968 по апрель 1969 г., а также с 1985 до второй половины 1989 г., а «жесткая» – с апреля 1969 примерно по 1985 г.

В данной связи актуальной можно считать такую интерпретацию документов, которая позволяет выявить наполненность оппозиционного движения реальными устремлениями и сугубо мифологическую составляющую в нем. Это особенно важно для Чехословакии, которая, как уже указывалось, являлась своеобразным сейсмографом политических и идейных сдвигов на европейском континенте. Можно сказать, что подобная задача не ставилась ни отечественными, ни зарубежными – чешскими, словацкими, западноевропейскими и американскими – исследователями.

Есть еще одно важнейшее обстоятельство, которое требует внимательного прочтения документов оппозиционного движения, включая его диссидентскую составляющую. Испытав в своем развитии немалое воздействие советской перестройки и последующих демократических преобразований в СССР, это движение привело к власти силы, выбравшие путь антисоветизма, а в дальнейшем и русофобии. Внешним проявлением подобного оборота дел стало отсутствие контактов на высшем уровне между РФ и Чешской Республикой на протяжении более чем десяти лет ее существования, когда встреча президентов двух государств состоялась лишь в марте 2006 г. – при мощном идейном противодействии первого президента Чехии. Эта беспрецедентная лакуна побуждает рассмотреть оппозицию под тем углом зрения, в какой мере она ориентировалась на состояние советско-чехословацких, российско-чехословацких, а в перспективе – российско-чешских и российско-словацких отношений. Поразительным является то, что как за «грехи» Советского Союза, явные и вымышленные, так и за пропагандируемые другими силами идеи социализма и коммунизма ответственность возлагалась как раз на РФ, которая уже встала на путь демократизации – со всеми достижениями и издержками этого пути. Внимательный анализ документов позволяет бросить новый взгляд и на данный парадокс.

Естественно, что в работе особое внимание уделяется заключительным годам истории оппозиционного движения в стране. Как показывают документы, в это время к оппозиции можно с большими основаниями причислить и небольшую группу коммунистов в рамках правящей партии. Но важнее другое: в 1988–1989 гг. готовились – не всегда по инициативе диссидентов – всплески массовых антирежимных манифестаций, которые определили новые приоритеты оппозиционного движения в целом. На поверхности они не носили политического характера и связывались со второстепенными, на первый взгляд, поводами. Но по сути это был запрос именно на политическую политику с целью изменения властных отношений – ключевого, как известно, момента любой революции.

Носителем крепнувших настроений против «режима нормализации», а в дальнейшем и соответствующих действий, выступило студенчество. Ему оказались одновременно и широкими, и тесными цели, выдвигаемые диссидентами, а главное, сомнительным выступало то обстоятельство, что диссиденты чаще апеллировали к зарубежным СМИ, чем выдвигали проекты преобразования общества с опорой на внутренние силы. Создавалось даже впечатление, что готовая взорваться студенческая масса руководствуется установками анархизма и власти улицы, но внимательное рассмотрение документов показывает, что это не так. Факты свидетельствуют, что скорее в рамках студенческого движения, а не среди различных оппозиционных и диссидентских групп отфильтровывались конструктивные политические идеи, которые сыграли важную роль в реализации коренных социальных изменений, произошедших после 17 ноября 1989 г. Их анализ – задача отдельного исследования.

Как уже отмечалось, история чехословацкого оппозиционного движения – не линейный процесс наращивания протестного потенциала: в одни моменты оно развивалось более интенсивно, в другие – сдерживалось. Может, в силу этих крайне идеологизированных противостояний по данной теме имеется мало обобщающих работ как в чешской, так и в словацкой историографии, хотя материалов и очерков по разным его проявлениям, группам и лидерам выпущено достаточно много. Они, правда, практически не известны отечественному чита-

телю, отсюда еще одна задача данного труда: познакомить с ними современного исследователя, да и любого читателя, интересующегося историей Чехословакии.

Вплоть до конца 1980-х гг. советскими учеными по вполне понятным причинам давались не всегда адекватные и во многом субъективные и конъюнктурно ограниченные оценки не только оппозиции, но и характера развития ЧССР в годы «нормализации» в целом. Эти проблемы совершенно не вписывались в идеологизированную догматическую парадигму КПСС. Мало что говорили об оппозиционном движении и чехословацкие исследователи; многие же партийно ангажированные публицисты освоили фактически один прием: разоблачение «отступников» и «отщепенцев».

Конец 1980-х годов вполне естественно пробудил внимание к «белым пятнам» истории Чехословакии, включая проблему взаимоотношения власти и оппозиции в 1968–1989 гг. Так, в работах отечественных специалистов наконец получила адекватное отражение история Пражской весны². Однако следующий после ее крушения период не сразу попал в поле внимания отечественных исследователей, что, собственно, и послужило главным побуждением обращения к проблеме. Интерес к ней ограничивался рассмотрением лишь отдельных аспектов: в ключе персоналогии публицистами Ф. Пирошко и А. Дидусенко³; в рамках литературоведения – С. В. Никольским⁴; в историческом жанре – В. А. Колесниковым⁵ и автором этих строк⁶.

Что касается зарубежной историографии, там сложилась принципиально иная картина. Представители чехословацкой эмиграции и западные специалисты начали интенсивно работать над проблематикой чехословацкой оппозиции еще с начала 1970-х гг. – в разгар «нормализации», т. е. фактически в момент зарождения антинормализационного движения. Именно в это время весомый вклад в изучение истории социалистической политической оппозиции периода 1968–1972 гг. внесли И. Пеликан, а также Я. Каван и Я. Даниел, создавшие для этого солидную документальную базу. Бывший директор Чехословацкого телевидения (1963–1968 гг.) И. Пеликан выпустил в 1973 г. в Париже документальное издание «Говорит Прага»⁷; в 1974 г. в ФРГ опубликован его же сборник документов «Социалистическая оппози-

² См.: *Новопашин Ю. С.* Вторжение в Чехословакию как воплощение классового подхода // Политические кризисы и конфликты 50-60-х гг. в Восточной Европе. М., 1993; Он же. Вторжение в Чехословакию в 1968 г. как воплощение практики «классового подхода» // Славяноведение. 1993. № 1; *Пихоя Р. Г.* Чехословакия 1968 г. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС. На перепутье между политическими и военными методами // Новая и новейшая история. 1995. № 1; *Мусатов В. Л.* Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996; *Он же.* Советский Союз и Пражская весна 1968 г. // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Т. 2; *Волков В. К.* Инстинкт самосохранения: советская партократия и «пражская весна» // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997; *Латыши М. В.* «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998; *Стыкалин А. С.* «Пражская весна» 1968 года и позиция Венгрии // Славяноведение. 1998. № 5; Он же. Новое свидетельство о роли советского фактора в чехословацких событиях 1968 года (К выходу в свет мемуаров генерала А. М. Майорова) // Славяноведение. 2001. № 1.

³ *Пирошко Ф.* Штрихи к портрету Вацлава Гавела, избранного 29 декабря 1989 г. президентом Чехословакии // За рубежом. 1990. № 5; *Дидусенко А.* Триумф и трагедия Вацлава Гавела // Новое время. 1992. № 28.

⁴ *Никольский С. В.* Быть или казаться? О драматургии Вацлава Гавела // Иностранная литература. 1990. № 7.

⁵ *Колесников В. А.* Трансформация политической и конституционно-правовой системы Чехо-Словакии (80-е – начало 90-х гг.). Воронеж, 2001.

⁶ *Задорожнюк Э. Г.* Вацлав Гавел: Драматургия президентства // Кентавр. М., 1995. № 5; *Она же.* Чешская Республика // Центральноевропейские страны на рубеже XX – XXI вв. (Общественно-политические аспекты развития): Справочное издание. Новосибирск, 2003; *Она же.* Словацкая Республика // Там же; *Она же.* Политический портрет президента-драматурга Вацлава Гавела // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе. М., 2003; *Она же.* На пути к «бархатной» революции: противостояние «властных» и «безвластных» в Чехословакии // Славяноведение. 2004. № 3; *Она же.* Конфронтация «режима нормализации» и оппозиции в Чехословакии в конце 1980-х годов XX века // *Środkowoeuropejskie studia polityczne. Poznań*, 2004. № 1; *Она же.* Путь к «бархатной» революции // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Т. 2; *Она же.* Чешско-словацкие отношения: от «режима нормализации» 1969 года к «бархатной» революции 1989 года // Новая и новейшая история. 2005. № 6; *Она же.* Почему не устояло в 90-е гг. XX в. единое чехословацкое государство? // Власть – общество – реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006; *Она же.* Хартия 77: уроки тридцатилетней истории // Свободная мысль. 2008. № 2.

⁷ *Pelikan J.* Ici Prague. L'opposition intérieure parle. Paris, 1973.

ция в Чехословакии»⁸, а два года спустя англоязычная версия этой книги увидела свет в Лондоне⁹.

В 1976 г. Я. Каван и Я. Даниел издали в Лондоне подборку документов о социалистической оппозиции в Чехословакии, которая тогда же была переведена на русский и польский языки¹⁰. Упомянутые работы, документальные разделы которых предваряются обстоятельными вводными частями, разнятся не только по содержанию, но и по степени доступности. Так, если книги Пеликана можно найти в чешских и словацких библиотеках, то труд Кавана и Даниела не проник за чехословацкий «железный занавес» в свое время, а сегодня его трудно обнаружить в Чехии и в Словакии по другой причине: отпугивает уже не второе, а первое слово в его названии. По крайней мере, ни в одной из работ чешских и словацких историков ссылки на Кавана и Даниела не отыскиваются. Между тем данное раритетное издание дает ответы на ряд вопросов, которые остаются в историографии дискуссионными, позволяет дополнить отдельными фрагментами общую картину развития антирежимного движения в ЧССР в 1968–1975 гг.

К этому ряду работ, начиная с 1970-х гг., примыкает книга Г. Голан¹¹, а с конца отмеченного десятилетия – и труды В. Кусина, ограничивавшего свои исследования периодом 1968–1977 гг.¹². Примечательным в них является, во-первых, то, что исследователь рассматривал оппозиционное движение в Чехословакии в сопоставительном ключе с его аналогами в других странах «социалистического содружества», а во-вторых, провел их классификацию и выделил девять видов оппозиционной активности¹³. И в последующие годы западная историография периодически пополнялась новыми работами, посвященными отдельным (хронологическим либо тематическим) аспектам проблемы¹⁴.

Важный вклад в изучение диссидентского движения, в первую очередь Хартии 77, внес в годы вынужденной эмиграции известный чешский историк В. Пречан¹⁵, основавший в Шейнфельде-Шварценберге (ФРГ) Чехословацкий центр независимой литературы, фонды которого после «бархатной» революции были перевезены им в Чешскую Республику. В Добржиховице под Прагой с середины 1990-х гг. функционировал основанный В. Пречаном Чехо-Словацкий документальный центр, фонды которого в начале XXI в. были переданы Национальному музею в Праге, и остается надеяться, что в ближайшем будущем они станут доступными для исследователей. Вызывают огромный интерес и теоретические разработки В. Пречана; можно утверждать, что он, безусловно, является ведущей фигурой в историографии оппозиционного движения в Чехословакии в целом, а также относительно его этапа, связанного с появлением Хартии 77.

⁸ Pelikán J. Sozialistische Opposition in der ČSSR: Analyse und Dokumente des Widerstandes seit dem Prager Frühling. Frankfurt a.M. Köln. 1974.

⁹ Pelikán J. Socialist Opposition in Eastern Europe: the Czechoslovak example. London, 1976.

¹⁰ Socialist Opposition in Czechoslovakia. Assambled Documents. 1973–1975 / Eds. J. Kavan, J. Daniel. London, 1976; Социалистическая оппозиция в Чехословакии. Подборка документов. 1973–1975 / Под ред. Я. Кавана и Я. Даниела. Перевод с английского. London, 1976; Socjalistyczna Opozycja w Czechoslowacji: Dokumenty. 1973–1975 / Eds. J. Kavan, J. Daniel. London, 1976.

¹¹ Golan G. Reform Rule in Czechoslovakia: Dubcek Era. 1968–1969. Cambridge, 1973.

¹² Kusin V. V. From Dubček to Charta 77: A Study of «Normalization» in Czechoslovakia. 1968–1978. Edinburgh, 1978; *Idem*. Challenge to Normalcy: Political Opposition in Czechoslovakia. 1968–1977 // Opposition in Eastern Europe / Ed. R.L. Tökés. London, 1979.

¹³ Kusin V. V. Typology of Opposition // Soviet Studies. 1973. 1. S. 125–129.

¹⁴ См., например: Williams K. T e Prague Spring and its Aftermath. Czechoslovak politics 1968–1970. Cambridge, 1997; Tücker A. Fenomenologie a politika. Od Jana Patočky k Václavu Havlovi. Olomouc, 1997; *Idem*. T e Philosophy and Politics of Czech Dissidence from Patočka to Havel. Pittsburgh, 2000.

¹⁵ Kniha Charty: Hlasy z domova 1976–1977 / Ed. V. Prečan. Köln, 1977; Prečan V. Die sieben Jahre von Prag 1969–1976. Briefe und Dokumente aus der Zeit der «Normalisierung». Frankfurt am Main, 1978; Vývoj Charty: Záznam z konference ve Franken / Eds. V. Prečan, P. Tigríd. Köln, 1981. См. также: Prečan V. V kradeném čase. Výběr studií, článků a úvah z let 1973–1993. Praha; Brno, 1994. S. 603–615.

Значительный интерес представляют труды канадского ученого Г. Скиллинга¹⁶, обобщающие, в частности, типологизацию оппозиционного движения в Центральной и Юго-Восточной Европе с выделением четырех его категорий. Это, во-первых, «интегральная оппозиция», которая выступала в качестве непримиримого оппонента сложившейся системы; во-вторых, «фракционная оппозиция» внутри правящей коммунистической партии, представлявшая идеологические разночтения, но не отрицавшая при этом саму систему; в-третьих, «базовая оппозиция», которая также не отвергала систему, но позиционировала себя оппонентом основного политического курса; в-четвертых, «специфическая оппозиция», выступавшая против тех или иных конкретных направлений политики правящего режима¹⁷.

В этом же ключе работал и американский исследователь Ф. Бергурн, предложивший три формы оппозиционной активности. Первые две («фракционную» и «секторальную») автор характеризует как внутрисистемную лояльную оппозицию. Название третьей – «подрывная» – говорит само за себя, а сторонники данной антисистемной категории протестной деятельности нацеливались на свержение существующего строя¹⁸. Фактически же, по словам Р. Тёкеша, данные формы олицетворяли реформистский и революционный методы трансформаций¹⁹. Сам Тёкеш различал три типа протестного движения: «морально-абсолютистский» (писатели-нонконформисты); «инструментально-прагматический» (часть правящей элиты, выступавшей за «косметический ремонт» системы с целью упрочения своих позиций) и радикальный, именуемый автором «анатомическо-воинственным» («anatomic-militant»), приверженцы которого руководствовались религиозными и национальными мотивами, отрицая коммунистический режим как навязанный насильно²⁰.

Не только такие мэтры из числа историков, как В. Пречан²¹ и М. Отагал²², но и другие чешские и словацкие специалисты²³ неоднократно обращались к различным аспектам чехосло-

¹⁶ Skilling H.G. *Czechoslovakia's Interrupted Revolution*. Princeton, 1976; *Idem*. *Charter 77 and Human Rights in Czechoslovakia*. London, 1981; *Idem*. *Samizdat and an Independent Society in Central and Eastern Europe*. London, 1989. См. также: *Civic Freedom in Central Europe. Voices from Czechoslovakia* / Eds. H. G. Skilling, P. Wilson. London, 1991.

¹⁷ Skilling H.G. *Opposition in Communist East Europe // Regimes and Oppositions* / Ed. R. A. Dahl. New Haven and London, 1973. P. 92–94; *Idem*. *Background to the Study of Opposition in Communist Eastern Europe // Political Opposition in One-Party States*. London, 1972. P. 76–79.

¹⁸ Barghoorn F.C. *Factional, Sectoral and Subversive Opposition in Soviet Politics // Regimes and Oppositions...* P. 39.

¹⁹ Tökés R.L. *Varieties of Soviet Dissent: An Overview // Dissent in the USSR. Politics, Ideology and People* / Ed. R.L. Tökés. Baltimore; London, 1975. P. 18.

²⁰ *Ibid*. S. 13–19; см. также: *Povolný M. Charta 77 a československá opozice // Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci. Dokumentace* / Ed. V. Prečan. Scheinfeld-Schwarzenberg, Bratislava, 1990. S. 150; *Blažek P. Opozice a odpor. K typologii nesouhlasu s komunistickým režimem v Československu 1968–1989 // II. Kongres českých politologů. Praha, 2003. S. 261–270.*

²¹ *Ten Years of Charter 77. Hannover, 1986* / Ed. by V. Prečan; *Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci...*; *Prečan V. Nezávislá literatura a samizdat v Československu 70. a 80. let. Praha, 1992; Idem. V kradeném čase...*; *Idem. Lid, veřejnost, občanská společnost jako aktér Pražského jara // Proměny Pražského jara. Sborník studií a dokumentů o nekapitulantských postojích v československé společnosti 1968–1969. Brno, 1993. S. 13–36; Idem. Opětovné vynoření občanské společnosti: nezávislé občanské aktivity v komunistickém Československu 70. a 80. let // Česká a slovenská společnost v období normalizace. Bratislava. 2003 и др.*

²² *Otdhal M. První fáze opozice proti tzv. normalizaci (1969–1972) // Dvě desetiletí před listopadem 89. Praha, 1993; Idem. K některým otázkám dějin «normalizace» // Soudobé dějiny. 1995. Č. 1; Idem. K některým problémům výzkumu tzv. normalizace // Československo po sovětské okupaci 1968. Olomouc. 1997; Idem. K některým otázkám dějin takzvané normalizace v českých zemích // Za svobodu a demokracii. Odpor proti komunistické moci. Praha, 1999.*

²³ *Štefanský M. Invázie, okupácia a jej dôsledky // Slovenská spoločnosť v krízových rokoch 1967–1970. Zv. III. Bratislava, 1992; Prokš P. Konec jedného experimentu. Krize a pád totalitního režimu v Československu 1968–1989. Jinočany. 1993; Bdrta M. Pokus o záchranu reformního programu // Československo roku 1968: počátky normalizace. D. 2. Praha, 1993; Belda J. Konečná fáze likvidace obrodného procesu // Československo roku 1968: počátky normalizace...; Čarnogurský J. Videné od Dunaja. Bratislava, 1997; Barnovský M. Vedenie KSČ a KSS – od nástupu M. Gorbačova po November 1989 // November 1989 na Slovensku. Súvislosti, predpoklady a dôsledky. Štúdie a úvahy. Bratislava, 1999; Idem. Sovietská «perestrojka», vedenie KSČ a ľavicové opozičné prúdy // Cesty k novembriu 1989. Aktivity Alexandra Dubčeka / Eds. I. Luluha et al. Bratislava, 2000; Idem. Dubček Alexander, komunistický a ľavicový politik // Aktéri jednej éry na Slovensku. 1948–1989 / Eds. J. Pešek at al. Prešov, 2003; Šulc Z. Psáno inkognito: doba v zrcadle samizdatu 1968–1989. Praha, 2000; Bencik A. Requiem dla Praskiej Wiosny. Wrocław, 2002; Idem. Cesta k normalizaci // Přísň tajně! Praha, 2003. Sv. 6; Marušiak J. Nezávislé iniciatívy na Slovensku v rokoch normalizácie // November 1989 na Slovensku...; Jechovd. K. Lidé Charty 77. Praha, 2003; Barnovský M., Pešek J. V zovretí normalizácie. Cirkvi na Slovensku*

вацкого антинормализационного движения в ряде своих работ (статьи, доклады, предисловия к сборникам документов о деятельности оппозиции). В вышедшей в свет в Праге в 1994 г. монографии «Оппозиция, власть, общество» М. Отагал представил свой взгляд на историю оппозиции в Чехословакии, обозначив ее начальной точкой 1969 год²⁴. И все же наиболее детально разработанной остается вплоть до настоящего времени диссидентская составляющая чехословацкого оппозиционного движения, в том числе отдельные аспекты истории Хартии 77.

Анализ состояния изучения проблемы «нормализации» в 1969–1989 гг. дается в историографической работе М. Отагала «Нормализация 1969–1989: состояние исследования»²⁵, вышедшей в свет в Праге в 2001 г. Охватывая такие темы, характеризующие ключевые стороны оппозиционного и диссидентского движения, как «эмигрантская литература», «диссидентство», «Хартия 77», «сам из дат», она и зба вл яет от необходимости останавливаться на детальной характеристике зарубежной литературы и дает возможность сосредоточиться на исследованиях, публиковавшихся после выхода в свет труда Отагала.

Конец XX – начало XXI столетия открыли новый этап в чешской и словацкой историографии: переход к более детальному освещению отдельных периодов и различных фракций оппозиционного движения. К числу работ такого рода можно отнести исследования и документальные публикации чешских и словацких авторов В. Пречана²⁶, З. Млынаржа²⁷, И. Пернеса²⁸, К. Пацнера²⁹, Й. Мадры³⁰, Я. Цугры³¹, Я. Пажоута³², П. Блажека³³, М. Отагала³⁴, М. Ванека³⁵, Я. Цисаржовой³⁶, М. Марушиака³⁷, М. Барновского³⁸, Р. Лесняка³⁹, Я. Шимулчика⁴⁰, Н. Кметя⁴¹

v rokoch 1969–1989. Bratislava, 2004; Vítězové? Poražení? Životopisná interview. D. I–II / Eds. M. Vaněk, P. Urbášek. Praha, 2005; Mocní? A bezmocní? Politické elity a disent v období tzv. normalizace. Interpretační studie životopisných interview / Ed. M. Vaněk. Praha, 2006; Charta 77. Od obhajoby lidských práv k demokratické revoluci. 1977–1989. Praha, 2007.

²⁴ *Otdhal M.* Opozice, moc, společnost. 1969–1989. Příspěvek k dějinám «normalizace». Praha, 1994.

²⁵ *Otdhal M.* Normalizace. 1969–1989. Příspěvek ke stavu bádání. Praha, 2002. Смысл данного историографического анализа, по словам М. Отагала, заключался в следующем: «внести вклад в первую картину достигнутых результатов при разработке истории нормализации и обратить внимание на белые пятна. Хотя уже была проделана часть работы, сегодняшние результаты являются лишь отдельными камешками мозаики, цельное полотно которой пока еще только создается. Тем не менее эта стадия позволяет чешским историкам предпринять попытку, например, издания очерков по истории оппозиции, компартии, социальной и экономической истории, а также изучения позиций и поведения отдельных слоев населения. Подобного рода работы могли бы составить основу обобщающего труда». Ibid. S. 101.

²⁶ *Prečan V.* Nezávislá literatura a samizdat v Československu 70. a 80. let. Praha, 1992; *Idem.* V kradeném čase...; T e Democratic Revolution in Czechoslovakia: Its Precondition, Course and Immediate Repercussions. 1987–1989. Brief ng Book / Eds. V. Prečan, D. Paton. Prague, 1999; Praha-Washington-Praha. Depeše velvyslanectví USA v Československu v listopadu a prosinci 1989 / Ed. V. Prečan. Praha, 2004.

²⁷ *Mlyndf Z.* Problémy politického systému. Texty o roce 1968, normalizaci a současné reformě v SSSR. Köln, 1987.

²⁸ *Femes J.* Od demokratického socialismu k demokracii. Nekomunistická socialistická opozice v Brně v letech 1968–1972. Brno, 1999.

²⁹ *Pacner K.* Osudové okamžiky Československa. Praha, 1997.

³⁰ *Madry J.* Sovětská okupace Československa, jeho normalizace v letech 1969–1970 a role ozbrojených sil. Praha, 1994.

³¹ *Cuhra J.* Skrytý zápas: Stát, katolická církev a mládež v druhé dekádě normalizačního režimu // Ostrůvky svobody / Ed. M. Vaněk. Praha, 2002.

³² *Pažout J.* Hnutí revoluční mládeže 1968–1970. Edice dokumentů. Praha, 2004.

³³ *Blažek P.* PAR F (Paralelní Akta Filozof e). Vydávání samizdatového časopisu. 1985–1989. Praha, 2006.

³⁴ *Otdhal M.* Podíl tvůrčí inteligence na pádu komunismu. Brno, 1999; *Idem.* Studenti a komunistická moc v českých zemích. 1968–1989. Brno, 2003.

³⁵ *Vaněk M.* Zelené mládí: Ekologické aktivity mladé generace v osmdesátých letech // Ostrůvky svobody...

³⁶ *Cysafovdl.* Koordinační výbor, tvůrčí svazy a moc: 1968–1972: nekapitulantské postoje české tvůrčí inteligence a mechanismy moci KSČ / Ed. J. Váchová. 2003.

³⁷ *Marušiak J.* Nezávislé iniciativy na Slovensku...

³⁸ *Barnovský M.* Sovietská «perestrojka», vedenie KSČ a l'avicové opozičné prvidy; *Idem.* Dubček Alexander, komunistický a l'avicový politik; *Barnovský M., Pešek J.* V zovretí normalizácie. Cirkvi na Slovensku v rokoch 1969–1989. Bratislava, 2004.

³⁹ *Lesňak R.* Listy z podzemia. Kresťanské samizdaty 1945–1989. Bratislava, 1998.

⁴⁰ *Šimulčík J.* Čas svitania: Sviečková manifestácia 25 marca 1988. Prešov, 1998; *Idem.* Katolícka cirkev a nežná revolúcia 1989. Prešov, Bratislava, 1999.

и др. К этому же времени относятся попытки сравнительного анализа оппозиционного движения в странах Центральной Европы⁴², первые шаги историков Центральной и Западной Европы в изучении чехословацкой оппозиционной проблематики⁴³, а также совместные коллективные труды специалистов центральноевропейских стран по указанной тематике⁴⁴.

В целом можно сказать, что чешские и словацкие историки за период после 17 ноября 1989 г. не только создали документальную базу⁴⁵, но и добились значимых «прорывов» в изучении истории как оппозиционного движения, так и его диссидентской составляющей. Более того, создана солидная основа, которая позволяет идти дальше в изучении проблемы, хотя ее целостное осмысление еще далеко от своего завершения. В связи с этим автору приходилось решать проблему терминологического и содержательного соотношения понятий «оппозиция»⁴⁶ и «диссидентство», а также уточнять их определения. Поскольку подоплека и подтекст диссидентства в Чехословакии, несмотря на провозглашавшуюся им «неполитическую политику», в конечном счете являлись политическими, представляется методологически корректным его включение в более широкий термин – оппозиционное движение.

Несколько слов о документальном приложении. При отборе документов для него автор руководствовался следующим принципом – проиллюстрировать эволюцию чехословацкого оппозиционного движения, так сказать, наглядно: от листовок конца 1960-х гг. до программных документов основных оппозиционных структур второй половины 1980-х гг.

Таким образом, главная цель книги – опираясь на неопубликованные и опубликованные документы, а также достижения зарубежной историографии, дать общую картину чехословацкого оппозиционного движения, включая его важнейшую составляющую – диссидентство, представить периодизацию этого движения, проанализировать узловые характеристики и траектории развития последнего, открыть логику его эволюции. Как уже отмечалось, в дан-

⁴¹ Kmei N. Slovenská opozícia za normalizácie // Česká a slovenská spoločnosť v období normalizácie. Liberec, 2001.

⁴² Vilímek T. Srovnání vývoje, specifických odlišností a podobností opozice v ČSSR a NDR 1968–1989 // Bolševismus, komunismus a radikální socialismus v Československu. Sv. II / Eds. Z. Kárník, M. Kopeček. Praha, 2004.

⁴³ Pernal M. Karta 77 // Więź 1. Warszawa, 1990; Idem. «Nieznormalizowani». Opozycja polityczna w Czechosłowacji w latach 1968–1977 // Więź 2. Warszawa, 1993; Kołodziej M. Od Praskiej Wiosny do Aksamitnej Rewolucji. Opór społeczny i opozycja w Czechosłowacji w latach 1968–1989 – zarys problematyki // Studia i materiały z dziejów opozycji i oporu społecznego / Ed. Ł. Kamiński. Wrocław, 1998; Perzi N. Die Sozialistische Opposition in der ČSSR vom Prager Frühling bis zur Charta 77 // Reflexionen über das Jahr 1968 / Ed. K. Kaiserová. Ústí n. L., 1999; Pauer J. Charta 77. Moralische Opposition unter den Bedingungen der Diktatur // Samizdat. Alternative Kultur in Zentral- und Osteuropa. Die 60er bis 80er Jahre / Ed. W. Eichwege. Bremen, 2000; Andrlé V. Czech Dissidents: A Classically Modern Community // Biographical Research in Eastern Europe / Eds. R. Humphrey et al. Burlington, 2003; Blehova B. Der Fall des Kommunismus in der Tschechoslowakei. Wien, 2006.

⁴⁴ Česká a polská historická tradice a její vztah k současnosti / Ed. D. Hrodek. Praha, 2003; Česká a polská samizdatová literatura. Oprava, 2004.

⁴⁵ Charta 77. 1977–1989...; Hledání naděje 1978–1987. Výběr z ineditních sborníků. Praha, 1993; Svědectví o duchovním útlaku 1969–1970. Dokumenty. Praha, 1993; Čas Demokratické iniciativy 1987–1990. Sborník dokumentů. Praha, 1993; Hnutí za občanskou svobodu 1988–1989. Sborník dokumentů. Praha, 1994; Sekuritas imperii. Sborník k problematice bezpečnostních služeb. D. 1–3, 4 (sv. I–III). Praha, 1994–1998; Nezávislá skupina České děti 1988–1989. Dokumenty. Praha, 1995; Občanská společnost 1967–1970. Emancipační hnutí uvnitř Národní fronty 1967–1970. Dokumenty. D. 2. Sv. 1 Praha; Brno, 1995; Mezinárodní souvislosti česko-slovenské krize 1967–1979. Červenec – srpen 1968. Dokumenty. D. 4. Sv. 2. Praha; Brno, 1996; Obroda. Klub za socialistickou přestavbu. Dokumenty. Praha, 1996; Tůma O. a kol. Srpen '69. Edice dokumentů. Praha, 1996; Mezinárodní souvislosti československé krize 1967–1970. Září 1968 – květen 1970. Dokumenty. D. 4. Sv. 3. Praha; Brno, 1997; Hanáková J. Edice českého samizdatu. 1972–1991. Praha, 1997; Gruntorád J. Informace o Chartě 77: 1978–1990: článková bibliografie. Brno, 1998; Vedení KSČ o disentu a opozici. Dokumenty z ledna 1986 – října 1989. Praha, 1999; Hlasy občanské společnosti. 1987–1989. Výběr z textů a dokumentů. Praha, 1999; Československá cesta k demokracii. Chronologie událostí 1985–1989. Praha, 1999; Chronologie zániku komunistického režimu v Československu 1985–1990. Praha, 1999; November 1989 a Slovensko: chronológia a dokumenty (1985–1990). Bratislava, 1999; Komunistická strana Československa. Kapitulační (srpen – listopad 1968). Dokumenty. D. 9. Sv. 3. Praha; Brno, 2001; Komunistická strana Československa. Normalizace (listopad 1968 – září 1969). Dokumenty. D. 9. Sv. 4. Praha; Brno, 2003; Charta 77: Dokumenty 1977–1989 / Eds. B. Císařovská, V. Prečan. Sv. 1–3. Praha, 2007 и др.

⁴⁶ Оппозиция (от лат. *oppositus* – противопоставление), противодействие, сопротивление какой-либо политике, чьим-либо действиям, взглядам. Это партия или группа, выступающая вразрез с мнением большинства или с господствующим мнением, выдвигающая альтернативную политику, иной способ решения проблем (напр., парламентская оппозиция, внутрипартийная оппозиция).

ном ракурсе проблема еще не стала предметом внимания и тем более изучения отечественных историков.

Автор не претендует на исчерпывающие ответы на все вопросы, связанные с историей антирежимного движения в Чехословакии в период «нормализации», считая возможным дать его общий очерк, имея в поле зрения те задачи, которые ставили перед собой и частично решали лидеры Пражской весны, вынужденно ставшие оппозиционерами, а также те трансформации, которые происходили с другими кругами его участников вплоть до 17 ноября 1989 г. Рассматриваемая в таком ракурсе история антинормализационного движения – предпосылка взвешенного решения задачи анализа причин и движущих сил «бархатной» революции – одного из ключевых событий в истории послевоенной Чехословакии, закончившейся через три года распадом единого государства.

Глава 1. Чехословацкое оппозиционное движение на начальном этапе «нормализации». Август 1968 г. – август 1969 г.

§ 1. Противостояния осени 1968 г.

Началом важного этапа оппозиционного движения можно считать дни 21–22 августа 1968 года, когда в Чехословакию вошли войска пяти государств Организации Варшавского договора (ОВД), чтобы предотвратить дальнейшее продвижение к «социализму с человеческим лицом», и когда на следующий день ведущая политическая сила страны – КПЧ – осудила это вторжение. Фактически в оппозиции оказалась вся страна и большая часть ее руководства, что побудило в первую очередь Москву искать опору на новые силы внутри партии и государства.

Чехословацкое общество после 21 августа 1968 г. определенно выражало свое негативное отношение к «интернациональной помощи», оказанной Чехословакии странами-участниками ОВД. С самого первого дня в стране начались бурные массовые протесты против ввода войск. Население не согласилось с оккупацией, что проявлялось на каждом шагу: отказ предоставлять вошедшим в страну военнослужащим какую-либо информацию либо же предоставление фальшивой информации, ликвидация дорожных указателей и табличек с названиями улиц в городах, надписи на стенах и даже нежелание давать воду солдатам⁴⁷.

Что касается представителей высших государственно-политических структур, то 22 августа депутаты Национального собрания Чехословакии обратились к правительствам и парламентам пяти стран-членов Варшавского договора с категорическим протестом против вторжения и требованием немедленного вывода из страны иностранных войск⁴⁸. В тот же день в 10 часов утра по инициативе пражского горкома партии начал работу (без словацких делегатов) чрезвычайный XIV (Высочанский) съезд КПЧ⁴⁹. В его работе приняли участие 1219 из 1543 избранных делегатов, которые избрали новый центральный комитет партии и приняли целый ряд обращений, воззваний и посланий, адресованных народам социалистической Чехословакии, словацкому народу и словацким коммунистам, молодым людям Чехословакии⁵⁰. «Вы уже знаете, – говорилось в Обращении ко всему народу и молодежи, – что единодушное мнение делегатов съезда совпадает с вашим. Мы требуем вывода оккупационных сил из нашей страны и освобождения всех наших представителей, восстановления суверенитета нашей республики. Нам крайне необходима ваша помощь. Поэтому мы обращаемся к вам с тем, чтобы довести эту борьбу до победного конца»⁵¹. Из-за чинившихся препятствий большинству словацких делегатов не удалось приехать в Прагу. С этого момента, как утвер-

⁴⁷ Подробнее см.: *Pecka J. Proměny Pražského jara ve světle pramenů spontánní povahy // Proměny Pražského jara... S. 39–52.* 1 октября 1968 г. академический Институт истории под ред. М. Отагала и В. Пречана выпустил книгу «Семь пражских дней», которая получила известность как «Черная книга» с изложением хроники событий, включавшей множество заявлений организаций, предприятий и отдельных граждан с выражением протестов против вторжения. См.: *Sedm pražských dnů. 21.–27. Srpen 1968. Dokumentace. 2 vyd. Praha, 1990.*

⁴⁸ См.: Приложение. С. 302–303. Подробнее см.: *Cigánek F. Postavení a role parlamentu v srpnových dnech 1968 // Proměny Pražského jara... S. 123–164.*

⁴⁹ Подробнее см.: *Skilling H. G. Czechoslovakia's Interrupted Revolution. Princeton, 1976. P. 764–772.*

⁵⁰ Подробнее см.: *T e Secret Vysocany Congress. Proceedings and Documents of the Extraordinary Fourteenth Congress of the Communist Party of Czechoslovakia 22 August 1968 / Ed. J. Pelikán. N. Y., 1972. P. 88–95.*

⁵¹ *Sedm pražských dnu...*

ждает чешский историк О. Кашпар, стали проявляться различные подходы чешской и словацкой общественности к событиям августа 1968 г.⁵². Работа избранного на съезде нового ЦК КПЧ проходила под лозунгом: «Мы отвергаем оккупацию, настаиваем на выводе иностранных войск; наше оружие – всеобщая забастовка»⁵³. Одним из беспрецедентных примеров выражения протеста представителями коммунистической элиты внутри страны явилось Обращение делегатов к международному коммунистическому и рабочему движению⁵⁴. «Мне представляется, – писал позднее бывший секретарь ЦК КПЧ З. Млынарж, – что XIV съезд КПЧ, состоявшийся 22 августа 1968 года, сыграл чрезвычайно положительную роль в дальнейшем развитии событий. Благодаря созыву этого съезда, КПЧ как политическая партия сохранила определяющее влияние на сознание большинства населения»⁵⁵. Съезд осудил агрессию и потребовал вывода иностранных войск, возвращения руководителей страны к своим конституционным обязанностям, особо настаивая на соблюдении норм международного права, включая положения Варшавского договора, не требуя выхода ЧССР из него.

Съезд лишил каких-либо полномочий промосковскую консервативную группу, не оставив за ее представителями ни одной должности во вновь избранных органах. Национальное собрание и правительство открыто заявили о своем признании решений Высочанского съезда КПЧ. Складывалось впечатление, что партия коммунистов как политическая сила продолжает действовать в русле прежнего курса Пражской весны. Съезду на несколько дней «удалось создать видимость однозначной политической победы реформаторских сил в ситуации, когда на деле они потерпели полное поражение»⁵⁶. Находившиеся в те дни с визитом в Югославии члены чехословацкого правительства (О. Шик, И. Гаек, Ф. Власак и Ш. Гашпарик) также выступили с заявлением, в котором выразили свой протест против вторжения в страну иностранных войск⁵⁷.

Кремль, как известно, не исключал силового решения вопроса о власти в стране, ориентируясь на формирование «революционного рабоче-крестьянского правительства». В связи с этим он пошел на чрезвычайные меры: изоляцию протестующей части чехословацкой правящей элиты, настроенной на продолжение эксперимента «социализма с человеческим лицом». Уже 21 августа первый секретарь ЦК КПЧ А. Дубчек и его единомышленники окружным путем – через Польшу – были доставлены на советскую территорию.

В ситуации тотального неповиновения чехословацкого общества и международного давления Москве пришлось отказаться от своих первоначальных планов и пойти на переговоры с официальными представителями – в том числе и интернированными – чехословацкого государства. В предельно сжатом виде сценарий выглядел следующим образом: 23 августа в Москву вылетел президент ЧССР Л. Свобода. Сразу же после его приезда начались переговоры, завершившиеся подписанием документа, который вошел в историю под названием «Московский протокол»⁵⁸. Περιπεтии, связанные с этим документом, достаточно детально изложены в отечественной литературе⁵⁹.

Отметим, что в конце концов чехословацкая делегация капитулировала перед прессингом советских лидеров, которые навязали ей свой ультимативный проект документа. 26 авгу-

⁵² См.: *Kašpar O. Stručný přehled dějin a kultury Českých zemí a Slovenska*. Pardubice, 1997. S. 183.

⁵³ *The Secret Vysocany Congress...* P. 95.

⁵⁴ См.: Приложение. С. 303–304.

⁵⁵ *Млынарж З.* Мороз ударил из Кремля М., 1992. С. 219.

⁵⁶ Там же. С. 220.

⁵⁷ *Czechoslovakia 1968–1969. Chronology, Bibliography, Annotation* / Eds. Z. Hejzlar, V. V. Kusin. N. Y.; London, 1975. P. 80. Следует отметить, что уже 2 сентября президент Л. Свобода принял отставку О. Шика с поста заместителя председателя правительства ЧССР.

⁵⁸ *Komunistická strana Československa. Kapitulace (srpen-listopad 1968)*. D. 9. Sv. 3... S. 11.

⁵⁹ См.: *Латыши М.В.* Указ. соч. С. 281–291.

ста 1968 г., т. е. через 4 дня после начала работы Высочанского съезда в Праге, в Кремле состоялось последнее совместное заседание советского руководства и чехословацкой делегации по окончательной редакции Московского протокола⁶⁰. Несмотря на достигнутые в предшествующие дни договоренности по всем пунктам представленного советской стороной текста, члены чехословацкой делегации неожиданно предприняли отчаянные попытки некоторого смягчения формулировок документа и даже внесения в него ряда поправок. Это, как представляется, можно считать не только проявлением гражданского мужества, но и своего рода формой протеста части партийно-государственной элиты Чехословакии уже не внутри страны, а за ее пределами – в стенах Кремля. Следует отметить, что Дубчек во время первой беседы с ним «кремлевской четверки» (Л. Брежнев, Н. Подгорный, А. Косыгин и Г. Воронов) категорически опровергал обвинения в адрес процесса реформ, отрицал обоснованность интервенции, назвав ее серьезной политической ошибкой и трагедией не только для Чехословакии, но и для всего международного рабочего движения, отстаивал Высочанский съезд, отказывался вести переговоры и принимать какие-либо решения без участия других членов чехословацкого руководства и требовал их освобождения⁶¹. Крайней же формой протеста в Москве можно назвать категорический отказ члена президиума ЦК КПЧ, председателя Национального фронта ЧССР (НФ ЧССР) Ф. Кригеля поставить под Московским протоколом свою подпись⁶². Выражением более смягченных форм протеста явились попытки скорректировать некоторые уже согласованные с советскими лидерами положения документа, которые предприняли Г. Гусак, А. Дубчек и О. Черник.

Так, А. Дубчек пророчески спрогнозировал развитие ситуации в ЧССР в ближайшем будущем, открыто перечислив возможные последствия «интернациональной помощи» следующим образом: «Необходимо, чтобы и вы (т. е. советские лидеры. – Э. З.) реально смотрели на положение в нашей стране и в партии. Это очень губительно сказывается на жизни народов. Нанесен сильный удар как по мышлению, так и по чувствам нашего народа. Мы говорим открыто, что считаем ваш шаг (то есть введение войск – Э. З.) серьезной ошибкой, которая принесет огромный ущерб нашей партии и международному коммунистическому движению. Это факт, и я говорю об этом только потому, что следует задуматься над тем, как выйти из этой ситуации, которая вообще не имеет поддержки народа, партии, подрывает дружбу и *формирует объективную основу для антисоветских выступлений* (курсив мой. – Э. З.)». «Не следует ожидать, – продолжал он, – что эти последствия будут преодолены в короткие сроки. Это будет длительная и напряженная работа. Президиум ЦК поэтому находится в очень сложном положении... Вот почему хотел бы попросить вас с пониманием относиться к работе, поскольку нам предстоит действовать в очень сложных условиях. Прошу терпения и понимания, *ведь это ранило саму душу нашего народа* (курсив мой. – Э. З.). Эта работа займет длительный период времени. Говорят, например, об антисоветских выступлениях. Да, но резолюции с несогласием принимаются повсеместно. Это ставит нас в очень плохое положение...»⁶³. Тем самым он, во-первых, прямо указал на главную причину формирования оппозиции в стране, а во-вторых, дал понять, что часть самой КПЧ в тогдашнем составе потенциально входила в ее ряды.

В Москве впервые был запущен в оборот термин «нормализация» и прозвучали различные его интерпретации. Как следует из стенограммы переговоров чехословацкой делегации с советским руководством в Кремле, председатель правительства О. Черник пытался уточнить сроки пребывания в ЧССР войск стран ОВД. «Мы просим, – отметил он, – чтобы вы нас пра-

⁶⁰ Стенограмму заседания см.: Mezinárodní souvislosti... D. 4. Sv. 2. S. 265–280.

⁶¹ Bencík A. Rekviem za Pražské jaro. Praha, 1998. S. 196.

⁶² См.: Helešic F. Dr. František Kriegel jediný, kdo v Moskvě nepodepsal // Sanquis. 2000. № 7; Kupka J. Ten, který nepodepsal // Češi na cestě stoletím. Český Těšín, 2001. 2 сентября 1968 г. Ф. Кригель смещен с поста председателя НФ ЧССР, вместо него избран Э. Эрбан.

⁶³ Mezinárodní souvislosti... D. 4. Sv. 2. S. 267.

вильно поняли: для президиума ЦК и для нашей партии, решающее значение имеют действия стран членов ВД в решении вопроса о пребывании войск. Заверяем вас, что мы будем действовать таким образом, чтобы наш народ понял важность вопроса. Мы можем себе представить всю серьезность положения. Нам понятно и международное значение этой проблемы. Просим, чтобы в наше соглашение (имеется в виду Московский протокол. – Э. З.) были внесены такие поправки, которые явятся выражением надежды на максимально организованные дальнейшие действия. В первую очередь следующее: на базе упрочения и консолидации отношений в ЧССР будет проведен постепенный вывод войск. Для нормализации обстановки чрезвычайно важным является то, чтобы партийные и государственные органы приступили к работе, то есть чтобы были освобождены здания и аппарат, чтобы войска постепенно выводились из городов и отдельных пунктов, чтобы в партии восстановилась нормальная жизнь. Это мы считаем важным вопросом...»⁶⁴. Тем самым в содержание термина «нормализация» вкладывался конкретный смысл, сводившийся к следующему: «нормализация» может начаться лишь после вывода – хотя и «постепенного» – войск из ЧССР. Прозвучавший в выступлении Черника термин «консолидация отношений»⁶⁵ в стране в иерархии приоритетов также занимал второе после вывода воинских частей место.

Необходимо подчеркнуть, что советское руководство трактовало термин «нормализация» принципиально иначе, не ограничивая пребывание своих воинских частей на чехословацкой территории какими-либо временными рамками. Так, Л. Брежнев уже 10 сентября 1968 г. недвусмысленно заявил О. Чернику, который, видимо, продолжал настаивать на прозвучавшей в Москве интерпретации «нормализации», что «нынешняя линия» чехословацкого руководства расходилась с московскими переговорами. «Необходимо, – заявил он, – чтобы ЦК и правительство дали ясно понять, что вступление войск явилось вынужденной мерой, вызванной активностью анти-социалистических элементов... *нормализовать положение значит сохранить завоевания социализма и выступить против реакции* (курсив мой. – Э. З.). Однако сейчас выясняется, что нормализовать положение якобы значит вывести из страны союзнические войска»⁶⁶. Заметим, что это «якобы» длилось в стране более 20 долгих лет...

И все же 26 августа 1968 г. 9 представителей с советской (Л. Брежнев, Н. Подгорный, А. Косыгин, Г. Воронов, А. Кириленко, Д. Полянский, М. Суслов, А. Шелепин, П. Шелест) и 19 – с чехословацкой стороны (Л. Свобода, А. Дубчек, Й. Смирковский, О. Черник, В. Биляк, Ф. Барбирек, Я. Пиллер, Э. Риго, Й. Шпачек, О. Швестка, М. Якеш, Й. Ленарт, Б. Шимон, Г. Гусак, А. Индра, З. Млынарж, М. Дзур, Б. Кучера, В. Коуцки) подписали Московский протокол⁶⁷. Тем самым, по словам чешского историка Я. Навратила, «была поставлена точка на так наз. послеянварской политике и положено начало процессу нормализации»⁶⁸. И – можно добавить – процессу становления крайне широкой оппозиции вторжению в ЧССР войск пяти стран-участниц ОВД.

Секретный Московский протокол состоит из 15 пунктов, главное содержание которых сводилось к следующему: аннулирование собравшегося в условиях советской оккупации нелегального Высочанского съезда КПЧ; согласие на пребывание на чехословацкой территории союзных войск со смутной перспективой их ухода в случае успеха «нормализации»; снятие «чехословацкого вопроса» с обсуждения в Совете Безопасности ООН; созыв пленума ЦК КПЧ по «нормализации»; прекращение деятельности политических клубов и организаций возрож-

⁶⁴ Ibid. S. 266.

⁶⁵ В дальнейшем термин «консолидация» диверсифицировался и указывал на «консолидацию политических отношений», «консолидацию экономических отношений и др. См.: Komunistická strana Československa... D. 9. Sv. 4. S. 213–215, 217.

⁶⁶ Ibid. D. 4. Sv. 3. S. 39, 41.

⁶⁷ Текст Московского протокола см.: Mezinárodní souvislosti... D. 4. Sv. 2. S. 271–274. Впервые опубликован: Bencík A., Domanský J. 21. srpen 1968. Praha, 1990. S. 116–120.

⁶⁸ Navrdil J. Historický úvod // Mezinárodní souvislosti... D. 4. Sv. 2. S. 7.

давшейся социал-демократической партии; усиление органов МВД и госбезопасности; недопущение репрессий в отношении содействовавшей интервенции просоветской группы. Предпоследним, 14-м пунктом, оговаривалось, что контакты между ведущими представителями КПСС и КПЧ после 20 августа, как и содержание проходивших переговоров следует считать «строго конфиденциальными»⁶⁹.

Вторым пунктом Московского протокола четко фиксировалось время проведения внеочередного XIV съезда КПЧ: «*после нормализации*» (курсив мой. – Э. З.) положения в партии и стране»⁷⁰. Определение «после нормализации» выглядит весьма расплывчато и достаточно странно. Здесь нужно вспомнить, что, в соответствии с согласованной позицией чехословацкой стороны на переговорах в Кремле и ее концепцией «нормализации», партийный съезд следовало провести после вывода из страны иностранных воинских частей. Реформаторской части чехословацкого руководства в конце августа, наверное, сложно было предвидеть, что как раз безотлагательность созыва партийного съезда станет не только одним из самых популярных требований набиравшего силу протестного движения, но и одним из камней преткновения, из-за которого она проиграет одно из важнейших сражений с консерваторами. Опытные советские партаппаратчики прекрасно понимали, что тактика затягивания съезда и парламентских выборов, а в конечном счете выигрыш во времени – один из важнейших методов укрепления позиций консервативной части руководства КПЧ. В случае же попыток реформаторов добиваться работы съезда в ближайшем будущем, когда еще не был распылен их потенциал, Кремль всегда мог указать на несоблюдение «достигнутых договоренностей», а также на обязательства неукоснительного соблюдения Московского протокола.

В третьем пункте документа шла речь о проведении в ближайшие 6–10 дней объединенного заседания пленума ЦК КПЧ и Центральной контрольно-ревизионной комиссии, в повестку дня которого намечалось включить обсуждение вопросов нормализации положения в стране, актуальные вопросы партийной и государственной жизни, совершенствования работы партийных и государственных органов, экономические проблемы и проблемы жизненного уровня населения. На пленуме предполагалось также поднять вопрос и о смещении с постов тех лиц, деятельность которых «не отвечала интересам обеспечения руководящей роли рабочего класса и коммунистической партии, решениям январского и майского пленумов ЦК КПЧ (1968), интересам укрепления позиций социализма в стране и дальнейшего развития отношений ЧССР с братскими странами социалистического содружества»⁷¹. Таким образом, вольно или невольно предполагалась комбинация совершенно иного рода: под «нормализацией» подразумевался не столько вывод войск и затем съезд КПЧ, сколько невывод войск и проведение пленума ЦК КПЧ с постановкой вопроса об избавлении от несогласных.

Московским протоколом зафиксирован ряд моментов, сыгравших позднее решающую роль в судьбе оппозиционного движения в стране. Во-первых, это пассажи документа о «неприимчивой борьбе против контрреволюционных сил» (пункт 1), что, собственно, и создавало «идеологическую» основу борьбы с оппозиционным (на тот момент во многом гипотетическим) движением в стране. Во-вторых, советская сторона выдвинула условие, заранее согласованное с президентом Л. Свободой: возвращение на свои посты всех руководителей партии и государства лишь при условии объявления недействительными решений чрезвычайного XIV (Высочанского) съезда. Тем самым в ряды оппозиции могли зачисляться и коммунисты, продолжавшие поддерживать решения этого съезда. В ходе кадровых перемен «здоровые силы» не должны пострадать, «нездоровых» же пока оставляли в покое. Согласие было получено, а советское руководство потребовало предоставить ему гарантии выполнения договорен-

⁶⁹ Латыш М. В. Указ. соч. С. 282; Mezinárodní souvislosti... D. 4. Sv. 2. S. 274.

⁷⁰ Mezinárodní souvislosti... D. 4. Sv. 2. S. 272.

⁷¹ Ibidem.

ностей в Чьерне над Тиссой и Братиславе о борьбе с антисоциалистическими силами и о контроле над СМИ. Без этого, как заявили советские лидеры, союзные войска из страны не уйдут.

Почему дезавуированию решений Высочанского съезда уделялось столь важное внимание? Причина заключается в полном неприятии Москвой «социализма с человеческим лицом», что автоматически – хотя и с некоторым временным интервалом – переводило его приверженцев в ряды оппозиционеров. Но ведь они были в своей стране, более того, представляли собой ее руководство. Оставалось найти причины нелегитимности не столько самого съезда, сколько деклариовавшейся им линии.

В протоколе констатировалась готовность представителей КПЧ немедленно провести ряд мер с целью упрочения власти трудящихся и позиций социализма (пункт 4). В связи с этим особо подчеркивалось значение следующих шагов: овладение СМИ, которые следует полностью поставить на службу делу социализма; прекращение деятельности различных групп и организаций, занимавших антисоциалистические позиции; запрещение деятельности «анти-марксистской социал-демократической партии». Для реализации этих целей, говори лось в док у менте, в ближайшие дни будут приняты соответствующие «эффективные действия»⁷². Мас- сированное наступление на реформаторов, ориентировавшихся на «социализм с человеческим лицом», развернулось, таким образом, по всему фронту.

Чешские авторы в ряду «смягченных положений» перечисл яют следующие: тезис о выводе войск по завершении «временного» пребывания, продолжительность которого зави- села от хода «нормализации», а также о поддержке советской стороной политической линии январского и майского пленумов ЦК КПЧ, хотя об одобрении Программы действий периода Пражской весны ничего не говорилось. Чехословацкая сторона могла тем самым представлять общественности Московский протокол как «итог компромисса»⁷³. В дальнейшем Кремль тре- бовал неукоснительного и беспрекословного выполнения пунктов протокола, который, несо- мненно, служил не только одним из факторов сохранения оппозиции, но и важнейшим побу- дительным мотивом ее действий.

Датируя начало периода «нормализации» днем подписания Московского протокола, можно, на наш взгляд, говорить о мягком варианте «нормализации», который продолжался с 26 августа 1968 г. до апрельского (1969 г.) пленума ЦК КПЧ. Существенной чертой этого периода явилось то, что оппозиция во всех срезх общества действовала легально, хотя против ее радикальных действий власти уже начинали использовать силовые (полицейские) методы борьбы. Смещение А. Дубчека и приход к власти в апреле 1969 г. Г. Гусака положили начало более жесткому варианту «нормализации», а применительно к оппозиции – новому этапу ее деятельности: переходу к исключительно нелегальным формам протеста⁷⁴.

Что касается позиции граждан, то они в публичных выступлениях выражали последо- вательное несогласие с оккупацией, протестуя против политики уступок, которую избрало, как они утверждали, дубчековское руководство. Шло нарастание критики тех лидеров Праж- ской весны, которые отходили от ее идеалов и ориентировались на Москву. Правда, и граждане, и коммунисты могли пока что легально выражать свою позицию. При этом целью протестных

⁷² Ibid. D. 4. Sv. 3. S. 39, 41.

⁷³ Komunistická strana Československa. Kapitulace (srpen-listopad 1968). D. 9. Sv. 3... S. 12.

⁷⁴ В зарубежной научной литературе существуют различные мнения относительно стартовой точки процесса «нормали- зации» и его содержания. См.: Bencik A. Utajovaná pravda o Alexandra Dubčekovi. Drama muže, který předběhl svou dobu. Praha, 2001. S. 33–34; Tůma O. Společenské a politické souvislosti termínu normalizace // Věda v Československu v období normalizace (1970–1975). Sborník z konference / Ed. A. Kostolán. Praha, 2002. S. 17–18; Havelka M. První diskuse o tzv. normalizaci: polemika Václava Havla a Milana Kundery 1968–1969 // Ibid. S. 38; Maňák J. Proces tzv. normalizace a horní vrstva byrokracie v Československu v roce 1970 // Bolševismus, komunismus a radikální socialismus v Československu / Eds. Z. Kárník, M. Kopeček. Sv. 5. Praha, 2005. S. 241; Košícký P. Obete okupácie 1968 // Moe versus občan. Úloha represie a politického násillia v komunizme. Bratislava, 2005. S. 209; Petráš J. Období normalizace z pohledu politických elit // Moe versus občan... S. 191; Doskočil Z. Duben 1969. Anatomie jednoho mocenského zvratu. Brno, 2006. S. 7, 27

акций являлось не смещение руководства Дубчека, а давление на него, чтобы оно отказалось от политики уступок и продолжило взятый после января 1968 г. курс на реформы.

Таким образом, в августе 1968 г. на свет появились два взаимоисключающих документа – решения XIV Высочанского съезда КПЧ и Московский протокол, которые послужили мощным импульсом ускорения дифференциации в рядах высшего чехословацкого партийно-государственного руководства. Но и в обществе размежевание также проходило по линии принятия или непринятия этих решений. Интернированные лидеры ЧССР вернулись в страну, связанные подписанным (кроме Кригеля) в Кремле документом. Однако тот минимум уступок, который удалось отстоять чехословацкой делегации в Москве, являлся совершенно недостаточным для умиротворения и успокоения общества. С этого момента берет начало трагический зазор между реформаторской частью партийного руководства, связанного Московским протоколом, с одной стороны, и большей частью чехословацкого общества, зазор, который неотвратимо и постоянно увеличивался.

Линии разлома внутри руководства КПЧ уже в конце лета 1968 г. стали проявляться все рельефнее. Политика компромисса, или «меньшего зла», как ее тогда называли, продолжалась – надо было соблюсти декорум. Несогласие с действиями Дубчека выражали отдельные лица и внутри КПЧ. Следующим шагом в переориентации партии и страны в целом на «нормализацию» явился пленум ЦК КПЧ, проходивший 31 августа 1968 г.⁷⁵ Один из представителей радикального крыла реформаторов, член ЦК КПЧ, а в будущем один из основателей действовавшей в ЧССР нелегальной структуры «Социалистическое движение чехословацких граждан»⁷⁶ Я. Шабата категорически заявил: «Нормализация должна быть обусловлена выводом войск, а не их присутствием»⁷⁷. Тем самым он настаивал на концепции «нормализации», которую часть чехословацкого руководства пыталась отстоять на переговорах в Кремле. Шабата требовал опираться на 9/10 народа и продолжать вместе с ним начавшийся в ходе Пражской весны курс на реформы. Он далее подчеркнул, что Московский протокол, противоречивший действительности, нельзя проводить в жизнь. Аналогичную позицию занимали Ф. Кригель, Э. Гольдштюкер, О. Шик, И. Свитах⁷⁸.

Однако их начали все активнее вытеснять с лидирующих позиций, на которые претендовали просоветские политики В. Биляк, А. Индра и др., т. е. так называемые «здоровые силы», зачастую именовавшиеся в народе «предателями». Сторонники консервативного уклона требовали неукоснительного следования рекомендациям Кремля⁷⁹.

Тактика уступок Дубчека под давлением Москвы также вела не только к расколу партии, но и к протестам в обществе. Наиболее мощно этот протест выражали студенты и рабочие предприятий. Эти слои общества, получившие в Московском протоколе наименование «контрреволюционные силы», продолжали акции протеста: на 23 августа была объявлена одночасовая (с 12.00 до 13.00) всеобщая забастовка в знак протеста против вторжения, а 26 августа – забастовка протеста против продолжавшейся оккупации⁸⁰.

И неудивительно, что «прицельный огонь» по оппозиции начался почти сразу после августа. Одним из шагов на пути к реализации «нормализации» явилось закрытие пользовавшихся популярностью журналов «Репортер» и «Политика». Консерваторы в руководстве КПЧ по принципиальным соображениям и убеждениям требовали расправы с протестовавшими журналистами. Что касается реформаторских сил в руководстве КПЧ, то они, связанные поло-

⁷⁵ Подробнее см.: Латыш М. В. Указ. соч. С. 285–288.

⁷⁶ Подробнее см.: Skilling H.G. Czechoslovakia's Interrupted Revolution... S. 804–807.

⁷⁷ Ibid. S. 806.

⁷⁸ Bárta M. Pokus o záchranu reformního programu // Československo roku 1968. D. 2. Počátky normalizace. Praha, 1993. S. 11.

⁷⁹ Подробнее см.: Латыш М. В. Указ. соч. С. 285–287.

⁸⁰ Czechoslovakia 1968–1969... P. 81, 84.

жениями Московского протокола, объективно вынуждены были действовать заодно с консерваторами. Не был связан обязательствами по реализации положений Московского протокола лишь Ф. Кригель, не поставивший, как уже говорилось, под ним своей подписи.

3–4 октября в Москве состоялась встреча представителей пяти государств ОВД, на которой обсуждался вопрос о подготовке к подписанию 18 октября Договора о временном пребывании в ЧССР советских войск⁸¹. В ее рамках прошли переговоры А. Дубчека, Г. Гусака и О. Черника с советским руководством⁸². По словам З. Млынаржа, чехословацкая делегация «вернулась из Москвы с новыми условиями капитуляции, выходившими за рамки Московского протокола». В частности, она согласилась с пребыванием советских войск на территории ЧССР в течение неопределенного времени, а также дала согласие на отсрочку на неопределенный срок созыва съезда КПЧ. Кроме того, она приняла к сведению точку зрения Политбюро ЦК КПСС на Программу действий КПЧ как на «ошибочный документ»⁸³.

«Новые условия капитуляции», несомненно, в очередной раз всколыхнули общество, в котором развертывалась ожесточенная борьба против начинавшейся «нормализации». Самое сильное недовольство проявляли студенты и рабочие. Активность студентов нельзя назвать случайной: уже в ходе Пражской весны они являлись важнейшим составным звеном движения за реформы. После августа 1968 г. вместе с профсоюзами и частью интеллигенции студенчество становилось главным субъектом протестного движения. Нужно также иметь в виду, что процесс резкой активизации студенчества продолжался во всем западном мире, особенно во Франции⁸⁴.

И все же студенчество оказалось далеко не единодушным в своем протесте. Как уже отмечалось, проходившие внутри партийного руководства разломы экстраполировались и на чехословацкое общество в целом. Одним из примеров нараставшей дифференциации и поляризации явилось собрание 565 студентов и представителей так наз. низшего звена «здоровых сил», состоявшееся 9–10 октября 1968 г. в Доме просвещения в Праге (округ Либень). На нем была принята резолюция в поддержку сотрудничества с находившимися в Чехословакии иностранными войсками⁸⁵. Разумеется, такого рода собрания готовились правящими силами консервативной направленности, но более половины тысячи одних только представителей – цифра внушительная и, по всей видимости, многие из них позже служили делу «оздоровления», «консолидации» и «нормализации» не за страх, а за совесть.

В качестве ответной реакции коллектив педагогического факультета и Высшей школы земледелия г. Чешские Будеёвице направил 7 ноября 1968 г. в ЦК КПЧ «Открытое письмо». В нем выражались поддержка «прогрессивных сил ЦК КПЧ во главе с Дубчеком», осуждение «раскольнической деятельности фракционных групп» и обеспокоенность их активизацией⁸⁶.

⁸¹ 18 октября 1968 г. Национальное собрание ратифицировало Договор о временном пребывании в ЧССР советских войск: 228 депутатов проголосовали «за», 10 – воздержались, «против» проголосовали 4 депутата (Ф. Кригель, В. Прхлик, Ф. Водслонь и Г. Секанинова-Чакртова). См.: Ibid. P. 98.

⁸² Подробнее см.: *Mezinárodní souvislosti...* D. 4. Sv. 3. S. 116–150.

⁸³ См.: Млынарж З. Указ. соч. С. 279. Млынарж утверждал, что на переговорах в Москве Черник отошел от всех согласованных договоренностей по вопросу о постепенном выводе советских войск. «Несмотря на то, – писал он, – что было твердо оговорено держаться за положения Московского протокола о полном выводе советских частей, Черник первым дал согласие на другую формулировку, которая затем была внесена в Договор о пребывании советских войск в Чехословакии, подписанный 18 октября 1968 г., и узаконивший размещение 100 тыс. советских солдат на неопределенное время». Там же. С. 277.

⁸⁴ В мае 1968 г. Францию охватила всеобщая забастовка, объявленная крупнейшими профсоюзами, в которой участвовало более 10 млн. рабочих и служащих во многих районах страны. Фактический контроль над крупными предприятиями перешел в руки забастовщиков и их комитетов. Это не могло не оказывать воздействия и на студентов Чехословакии, также поддерживавшихся рабочими.

⁸⁵ См.: *Občanská společnost 1967–1970. Emancipační hnutí uvnitř Národní fronty 1967–1970. Dokumenty* / Eds. J. Pecka, J. Belda, J. Hoppe. Praha; Brno, 1995. D. 2. Sv. 1. S. 200.

⁸⁶ Текст резолюции см.: Ibidem.

Конечно, данное письмо выражало волю большинства, а может, и подавляющего большинства студенчества, но – не абсолютно всего. Следует заметить, что все же не письма стали главной формой протеста в рассматриваемый период.

Характерно, что в «Открытом письме» частично получили отражение те установки, которые несколько позднее, в самом конце 1968 – начале 1969 г. войдут в тексты договоров Союза студентов высших учебных заведений Чехии и Моравии с профсоюзами заводов, предприятий и научных учреждений: незаконность и ошибочность военного вмешательства пяти социалистических стран, а также требование созыва в кратчайшие сроки съезда коммунистической партии Чешских земель. Открыто выраженная непримиримость с вводом иностранных войск на территорию суверенного государства усугублялась строптивостью второго требования. Мало того, что требовался немедленный и безотлагательный созыв партийного форума – это само по себе входило в противоречие с Московским протоколом, – предполагалось проведение не просто съезда, а съезда пока еще вообще не существующей коммунистической партии Чешских земель. Напомним, что в итоге она так и не была создана⁸⁷.

Между резолюцией и письмом прошел тревожно ожидавшийся властью 28 октября юбилей единого чехословацкого государства. Он связывался еще и с двумя трагическими датами в истории Чехословакии – 1938 и 1948 гг., поэтому на массовых демонстрациях протесты против присутствия иностранных войск звучали очень громко. Опасавшиеся эскалации массовых студенческих протестов Л. Свобода, А. Дубчек и О. Черник вынуждены были в качестве своего рода превентивной меры обратиться 26 октября к чехословацкой молодежи с посланием, предостерегавшим от радикализации, которая могла привести к нежелательным и опасным последствиям⁸⁸.

Реакция на события 28 октября властей и общества совершенно различна. Власти, хотя и реформаторские, которые возглавлял Дубчек, применили дубинки, а общественность, не парализованная Московским протоколом, выражала солидарность с манифестантами. Так, 31 октября в Праге собрался актив писателей, который принял Соглашение о солидарности. Этот документ, который в последующие дни обсудили некоторые творческие союзы, рассматривался в качестве платформы совместных действий культурного и гражданского фронтов. Суть его сводилась к следующему: никто не может преследоваться за свои убеждения и взгляды⁸⁹. Тем самым недовольная часть общества в преддверии прогнозирувшегося «закручивания гаек» властями приступила к выработке превентивных мер и со своей стороны.

Между тем октябрьский разгон демонстрантов не снизил накала протестных настроений в чехословацком обществе. 6–7 ноября в Праге, Братиславе, Брно, Чешских Будеевицах и других городах началась новая волна демонстраций студентов, против которых полиция снова применила силовые средства: дубинки, слезоточивый газ и брандспойты⁹⁰. По словам главы правительства О. Черника, «вышедшие на улицы 8 тыс. человек начали строить баррикады»⁹¹; в одной только Праге полиция задержала 176 чел.⁹².

На фоне эскалации массовых протестов началась подготовка к очередному ноябрьскому пленуму ЦК КПЧ, на котором должна была «произойти решающая проба сил, выяснение соотношения реформаторской и консервативной фракций в высшем эшелоне партии»⁹³. В ходе подготовки к пленуму ЦК КПЧ для Кремля стало ясно, что с командой Дубчека общий

⁸⁷ См.: Власть – общество – реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 280–281.

⁸⁸ *Czechoslovakia 1968–1969...* P. 99.

⁸⁹ *Občanská společnost...* D. 2. Sv. 1. S. 404. Pozn. 2.

⁹⁰ *Czechoslovakia 1968–1969...* P. 101.

⁹¹ *Občanská společnost...* D. 2. Sv. 2. S. 102.

⁹² *Czechoslovakia 1968–1969...* P. 101.

⁹³ *Латыш М.В.* Указ. соч. С. 356.

язык найти будет трудно. Это следует из указаний, которые Политбюро ЦК КПСС направило 11 ноября находившемуся в Праге заместителю министра иностранных дел В. В. Кузнецову и послу СССР в ЧССР С. В. Червоненко к беседе с А. Дубчеком по проекту документов пленума⁹⁴. В Москве считали, что решения ноябрьского пленума ЦК КПЧ должны послужить основой активизации борьбы за упрочение социалистического строя⁹⁵.

В условиях присутствия советских войск, легализованного советско-чехословацким Договором о временном пребывании советских войск на территории ЧССР от 18 октября 1968 г. в ходе «нормализации», по-другому и быть не могло. Вряд ли удивительным считалось то, что после ноябрьского пленума продолжится открытая борьба двух политических платформ: сторонников демократии («правые», «правые оппортунистические силы») и приверженцев реставрации политической системы по советской модели («левые», «здоровые марксистско-ленинские силы»)⁹⁶. Ожидалось другое: если в первый лагерь придут немногие лица, потерпевшие поражение, то во второй придут те, кто считался победителями.

Решительная позиция молодежи расходилась с установками не только консервативной части партийно-государственного аппарата, но и с позицией коммунистов-реформаторов, которые находились под жестким прессингом Москвы. Чрезмерно активные протестные действия молодых людей в их планы не входили и входить не могли, поскольку они квалифицировались Московским протоколом как контрреволюционные. Именно поэтому активизация молодежи не оставалась без внимания высшего государственного руководства.

Примечательной чертой данного периода можно назвать то, что после подавления октябрьских и ноябрьских протестов студентов власти решили изменить тактику (не исключено, что под давлением коммунистов-реформаторов в партийно-государственном руководстве) и в целях исключения в дальнейшем подобного рода инцидентов решили пойти на диалог с ними.

Первая встреча председателя ЦК НФ ЧССР Э. Эрбана, сменившего на этом посту Ф. Кригеля, с членами президиума Союза студентов высших учебных заведений Чехии и Моравии состоялась 12 ноября 1968 г. На ней Эрбана проинформировали о создании в Праге Комитета действий студентов, который намеревался в ближайшие дни осуществлять координацию и руководство студенческим движением в Праге. В качестве одной из ближайших акций Комитета называлась подготовка к 17 ноября – Международному дню студентов. Согласно плану Комитета действий, студенты намеревались отметить эту памятную дату – 29-ю годовщину подавления студенческой манифестации гитлеровцами – траурным шествием.

Из текста документа трудно судить о реакции Эрбана относительно студенческих планов. Похоже, он не стал брать лично на себя ответственность за подобного рода акции, пообещав организовать прием представителей студенчества высшим руководством ЧССР⁹⁷. И, действительно, уже на следующий день, 13 ноября 1968 г., такая встреча состоялась. В ней приняли участие представители Союза студентов высших учебных заведений Чехии и Моравии, а также некоторых других чехословацких молодежных организаций, функционеров комитета КПЧ по высшему образованию и представители высшего партийно-государственного руководства. О ее серьезности свидетельствует не только место проведения (Пражский Град), но и состав участников переговоров со стороны руководства партии и государства (Свобода, Дубчек, Черник, Смирковский, Эрбан, Пелнарж). Председатель Союза студентов М. Дымачек изложил свое видение политической ситуации в стране, а затем представители высшего руководства отве-

⁹⁴ См.: История Чехии и Словакии в XX веке... Т. 2. С. 218.

⁹⁵ Там же. С. 219.

⁹⁶ См.: Komunistická strana Československa... D. 9. Sv. 4. S. 8–9.

⁹⁷ Občanská společnost... D. 2. Sv. 2. S. 105. Pozn. 1.

тили на вопросы студентов. На встрече, в частности, обсуждался и вопрос о проведении студентами 17 ноября памятной акции в Международный день студентов.

Как и следовало ожидать, отношение высших руководителей партии и государства (в том числе и коммунистов-реформаторов) к акции 17 ноября явилось однозначно отрицательным, хотя аргументация ими высказывалась различная. «Знаю, – сказал А. Дубчек, – что это будет не просто торжественный акт, но и выражение отношения к политической обстановке. Мы не можем считать это акцией в нашу поддержку»⁹⁸. При этом Дубчек руководствовался следующими мотивами: студенческая организация не обладает достаточным опытом, чтобы не допустить выхода ситуации из-под контроля, предотвратить провокации и кровопролитие. Он выступил против публичных акций, поскольку «это не путь решения ситуации». Публичные выступления, по его словам, можно легко использовать в провокационных целях; они «могут вызвать тысячу вопросов, которые заведут в тупик международные переговоры»⁹⁹.

Можно предположить, что А. Дубчек опасался ответных жестких мер со стороны союзников по ОВД. Говоря о поступавших в органы высшей партийной и государственной власти резолюциях различных представителей общественности, он отметил, что «высоко их ценит» и что они служат ему «моральной поддержкой». Вместе с тем Дубчек советовал более взвешенно подходить к перечню вносимых в них требований. Так, идея организации общенародного обращения к правительству о безотлагательном начале переговоров о немедленном выводе войск из Чехословакии считалась нереальной, и народ, как подчеркнул Дубчек, «прекрасно это понимает»¹⁰⁰. В этом случае он, скорее всего, высказывал свою реакцию и на «Открытое письмо» студентов от 7 ноября.

Черник в свою очередь пообещал, что в ЧССР уже никто не будет брошен в тюрьму по политическим мотивам. Вместе с тем он высказал следующее предостережение: против участников антигосударственных акций будут приниматься меры в соответствии с действующим законодательством¹⁰¹.

На встрече студенты подняли вопрос и о создании советов трудящихся (заводские советы или рабочие советы, как их еще называли) на предприятиях. В ответ Дубчек заметил, что данный вопрос не проработан до конца из-за недостатка времени, не возразив против необходимости его окончательного решения. Тем самым из-за дефицита времени (а не по принципиальным соображениям) формирование рабочих советов временно блокировалось. Предполагалось снова вернуться к этой проблеме на пленуме ЦК КПЧ в декабре 1968 г. Получалось, что столь волновавший молодежь вопрос о заводских (рабочих) советах не закрывался окончательно и это не могло не вселять определенные надежды. Диалог, как тогда казалось, состоялся и даже стал приносить свои плоды, тем более, что студенты не поднимали на встрече вопрос о своем намерении проводить забастовки ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем.

Впрочем, далеко не все студенты были довольны итогами встречи. Это, в частности, отразилось в тексте Соглашения о солидарности студентов, профессоров и работников вузов, подготовленном через два дня после беседы с лидерами государства Союзом студентов Чехии и Моравии 15 ноября 1968 г.¹⁰² Более того, уже ближайшие дни показали, что диалог с властью оказался всего лишь очередной иллюзией столь необходимого для общества консенсуса и вовсе не студенческая позиция послужила детонатором разраставшегося конфликта.

14–17 ноября 1968 г. прошел пленум ЦК КПЧ. Руководство и Дубчек настроились на серьезные усилия по выработке приемлемой для всех фракций КПЧ платформы. Под-

⁹⁸ Ibid. D. 2. Sv. 2. S. 100.

⁹⁹ Ibidem.

¹⁰⁰ Ibid. S. 100–101.

¹⁰¹ Ibid. S. 102.

¹⁰² Ibid. D. 2. Sv. 1. S. 402–403.

готовку проекта резолюции поручили Й. Шпачеку и З. Млынаржу, которые предприняли «последнюю попытку очертить рамки, в пределах которых сохранялась бы хоть какая-то возможность проводить реформаторский курс». Однако подготовленный ими текст в целом виде в окончательную версию резолюции так и не вошел. Накануне пленума, в ночь с 15 на 16 ноября, Дубчек, Гусак и Черник, не поставив в известность остальных членов ЦК, отправились из Праги в Варшаву на консультацию к Брежневу, который в те дни в качестве гостя присутствовал на V съезде ПОРП. В результате из проекта резолюции исчезли фрагменты текста, которые могли хоть как-то поставить под сомнение «обоснованность» военной интервенции, и добавлены фразы об опасности «правого оппортунизма» в рядах КПЧ¹⁰³.

После бурных дебатов пленум принял резолюцию, которую А. Дубчек считал «выходом из критической ситуации, возникшей после августа». «Я убежден, – писал А. Дубчек в октябре 1974 г. – что ноябрьская резолюция 68-го года, в отличие от выводов январского, апрельского и майского пленумов ЦК КПЧ, *которая возникла как следствие августа, была ближе всего к возможности политического объединения абсолютного большинства партии и общества и давала возможность вывести партию из нового кризиса*, который вызвали, как это сегодня уже ясно, *фракционеры*, желающие с помощью военного вмешательства аннулировать *сами основы* январской политики ЦК КПЧ (курсив в оригинале. – Э. З.)»¹⁰⁴.

Резолюция, называемая Я. Каваном и Я. Даниелом «компромиссной»¹⁰⁵, не оправдывала вторжение иностранных войск в ЧССР, но и не признавала существование контрреволюции, критиковала догматические сектантские силы, которые пытались повернуть развитие вспять, к периоду до января 1968 г. Вместе с тем она признавала наличие антисоциалистических элементов, которые якобы были обнаружены в печати, клубах и различных организациях. Она еще поддерживала Программу действий, но уже назвала ее «рабочим документом»¹⁰⁶.

Пленум санкционировал учреждение нового временного органа – исполкома Президиума ЦК КПЧ, а также образование Бюро ЦК по Чешским землям во главе с Л. Штроугалом, которое, по словам Я. Мехиржа, явилось одним из главных инструментов первой фазы «нормализации». В начале 1970-х гг. Бюро руководило проведением чисток рядов КПЧ, так наз. «проверок»¹⁰⁷.

Появление чешского партийного Бюро, как представляется, явилось частичным ответом на раздававшиеся все громче в обществе требования создания чешской компартии и, надо полагать, одним из демонстративно-формальных шагов на пути его реализации.

Любопытна оценка ноябрьской резолюции чешских издателей многотомной публикации документов. «Если московский протокол, – пишут Й. Вондрова и Я. Навратил, – как прямой продукт вторжения вынужден был в своей окончательной версии учесть спонтанное сопротивление чехословацкого народа оккупации, сохранив тем самым определенное пространство для политического маневра, то ноябрьский пленум ЦК КПЧ, проходивший под впечатлением от заключенного в октябре чехословацко-советского договора о пребывании определенного контингента советских войск на территории Чехословакии „в течение неопределенного времени“, а также принятая на нем резолюция – после предшествующей ревизии советского генерального секретаря – свели это мнимое пространство практически к минимуму»¹⁰⁸. В этом

¹⁰³ Млынарж З. Указ. соч. С. 281.

¹⁰⁴ См.: Приложение. С. 345.

¹⁰⁵ Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 40; см. также: Czechoslovakia 1968–1969... Р. 103. На компромиссный характер ноябрьской резолюции указывает и А. Остры. См.: Ostry A. Československý problém. Köln, 1972. S. 193.

¹⁰⁶ Подробнее см.: Млынарж З. Указ. соч.; см. также: Социалистическая оппозиция в Чехословакии....

¹⁰⁷ Подробнее см.: Měchyř J. O novodobých dějinách Československa. (Několik informací, poznámek a úvah o uplynulých sedmdesáti letech). Praha, 1991. S. 84.

¹⁰⁸ Komunistická strana Československa... D. 9. Sv. 3. S. 7

выводе смущает, пожалуй, одно: «сведение к минимуму» политического пространства, которое сами же авторы называют «мнимым».

В любом случае, часть Московского протокола, формулировавшая цель борьбы с «контрреволюцией», едва ли давала какое-либо пространство для политического маневра сторонникам А. Дубчека, оно скорее, предоставлялось «здоровым силам» в рядах высшего эшелона политической власти. И этим пространством для маневра они умело воспользовались на ноябрьском пленуме ЦК КПЧ. Именно под их давлением пленум принял резолюцию, из которой исчезли «программные принципы и цели Программы действий КПЧ – сутью новой политики должна была стать „последянварская политика“, очищенная от деформаций последянварского периода»¹⁰⁹.

В дискуссиях в дальнейшем уточнялось и содержание термина «нормализация», которая более уже не связывалась непосредственно с выводом советских войск, а трактовалась как «продолжение последянварской политики с твердым социалистическим курсом»¹¹⁰.

Позиции приверженцев Дубчека ослабевали. Одна их часть сблизилась с радикально-демократическим крылом (Смрковский, Шпачек, Млынарж), вторая (Черник, Гусак, Свобода) примкнула к представителям промосковской политики и заняла «реалистическую линию». Дубчеку приходилось постоянно лавировать между ними, но в итоге он постепенно оказывался в изоляции¹¹¹.

Таким образом, ноябрьский пленум наглядно продемонстрировал нараставший разлом внутри ЦК КПЧ: в знак протеста против политики уступок ушел со своего поста секретаря ЦК КПЧ З. Млынарж, что, несомненно, значительно ослабляло силы реформаторов. Тем более что в созданный на пленуме исполком президиума ЦК КПЧ вошли Г. Гусак, Ш. Садовский, Л. Свобода, О. Черник, Л. Штроугал, Э. Эрбан и только два сторонника реформ – А. Дубчек и Й. Смрковский.

Компромиссные решения ноябрьского пленума заставили студентов снова инициировать новый политический кризис. Через 24 часа после пленума ЦК КПЧ студенты всех вузов Чехии и некоторых высших учебных заведений Словакии начали забастовку в знак протеста против оккупации¹¹². Активность достигла пика 18 ноября 1968 г., когда они объявили о начале трехдневной забастовки, в которой приняли участие десятки тысяч студентов. Студенческая забастовка не выходила за пределы вузов на улицы и не превратилась в манифестацию, не представляя такой угрозы политической стабильности, как события 28 октября. Партии удалось «повлиять на студентов в том плане, чтобы они соблюдали порядок и не допускали каких-либо стихийных действий»¹¹³. Высокопоставленный работник ЦК КПЧ информировал советских представителей, что «со стороны многих рабочих, особенно на заводах ЧКД в Праге, проявлялись симпатии к студенческой забастовке и дело шло к прямой поддержке студентов. Лишь под большим давлением рабочие заводов ЧКД отказались от своего намерения устроить демонстрацию в Праге в знак солидарности с бастующими студентами»¹¹⁴.

Требования бастовавших изложены в документе «Десять пунктов» (его называли «Студенческой десяткой»), провозглашенных Союзом студентов вузов Чехии и Моравии¹¹⁵. Основной политики в нем провозглашалась Программа действий КПЧ, принятая в апреле 1968 г. (по сути – продолжение реформ Пражской весны), отрицалась «кабинетная политика» и содер-

¹⁰⁹ Ibid. S. 8.

¹¹⁰ Ibid. Úvod.

¹¹¹ Ibid. S. 17.

¹¹² Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 40. Подробнее о студенческой забастовке см.: Občanská společnost... D. 2, Sv. 1. S. 402–417.

¹¹³ Цит. по: Латыш М. В. Указ. соч. С. 365.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Документ опубликован в: Proměny Pražského jara... S. 217. Pozn.4.

жалось требование взаимного обмена информацией между обществом и властью (по сегодняшней терминологии – Public Relations). Бастовавшие требовали ограничения полугодием цензуры в СМИ; свободы собраний и объединений; гарантии свободы деятельности в сфере науки, литературы и культуры; соблюдения правовых норм для граждан; продолжения создания заводских советов трудящихся в качестве органов заводского самоуправления; свободы выезда за рубеж; отказа в сфере внешней политики от участия в акциях, противоречивших чувствам чехословацкого народа, Хартии ООН и Всеобщей декларации прав человека; отставки с руководящих постов тех, кто «утратил доверие» и кому «так и не удалось четко и ясно объяснить свою позицию»¹¹⁶. Характерно, что призыва к крайне популярному в обществе выводу войск из ЧССР документ не содержал, что, видимо, свидетельствует о следовании наказу, который студенты не так давно получили от Дубчека. Вместе с тем в него было внесено требование о рабочих советах.

В историографии существуют различные оценки этого документа. Так, польская исследовательница М. Колодзей полагает, что участники ноябрьской забастовки позиционировали себя общественно-политической силой и добивались права на участие в политической жизни¹¹⁷. Чешский историк Я. Пажоут, напротив, называет эти требования «умеренными»¹¹⁸. Действительно, в документе нет прямых протестов против оккупации, не содержатся в нем и призывы к выводу войск. То есть, можно сказать, что он фактически составлялся в русле установок руководства Дубчека, в какой-то мере коррелируя с Московским протоколом. В свою очередь Каван и Даниел называли его «программой-минимум», а забастовку – протестом против оккупации¹¹⁹.

В любом случае ноябрьская забастовка студентов явилась выражением протеста, который указывал на высокий уровень политического сознания общества. «Студенческая десятка» отражала настроения всей общественности, и рабочие сразу же стали доказывать важность ее положений действиями. На предприятиях прошли рабочие собрания, которые приняли «Десять пунктов» в качестве своей программы. Рабочие устраивали встречи с бастующими студентами, оказывали им финансовую помощь и предупреждали власти, что на любую попытку сломить студентов они ответят забастовкой. Символически свою поддержку они подтвердили получасовым перерывом в работе, фабричными гудками и т. д.¹²⁰. В Чехии почти повсеместно стали создаваться забастовочные комитеты, трансформируясь в рабочие советы. Позднее, в январе 1969 г., предпринималась попытка создать центральный орган рабочих советов, но власти поняли, что это движение становится опасным, и расформировали советы.

На заседании 19 ноября президиум правительства, обсудив вопрос о положении в вузах, назвал студенческую забастовку акцией, не способствовавшей процессу консолидации в стране¹²¹. Такая оценка показала, что государственные власти, включая реформаторскую их часть, не поддерживали крайних методов борьбы. В тот же день на совещании первых секретарей окружных и краевых комитетов КПЧ, посвященном итогам ноябрьского пленума, Л. Штроугал напомнил об обещании студентов почтить 17 ноября память жертв фашистской расправы мирным траурным шествием. Однако, по его словам, студенты изменили свои первоначальные планы и приняли иное решение – провести трехдневную забастовку. Требования «Десяти пунктов», по словам Штроугала, сформулированы таким образом, что «со многими

¹¹⁶ См.: Pažout J. Sbíрка Ivana Dejmal – významný pramen k dějinám československého studentského hnutí v šedesátých letech dvacátého století // Sborník archivních prací. 2003. Č. 2. S. 169–170; до этого опубликовано в комментарии в: Občanská společnost... D. 2. Sv. 2. S. 93. Pozn. 2.

¹¹⁷ Kołodziej M. Op. cit. S. 99.

¹¹⁸ Pažout J. Op.cit. S. 7.

¹¹⁹ Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 40.

¹²⁰ Там же. С. 41–42.

¹²¹ Občanská společnost... D. 2. Sv. 1. S. 512.

из них можно согласиться». «Однако, – продолжал он, – забастовка названа оккупационной, что, разумеется, имеет особый акцент, акцент политический...». Инициаторы забастовки, продолжал Штроугал, представляют дело таким образом, что данная акция проводится в поддержку послеянварской политики и прогрессивного ядра партии. «Мы знаем, – утверждал он, – что трехдневная забастовка с названием оккупационная проводится не в поддержку данной линии. Фактом является то, что в последние часы мы получаем информацию о том, что студенты приходят на заводы, требуют конкретной поддержки этой студенческой забастовки, все более остро реагируют на ноябрьскую резолюцию и оказывают определенное давление – причем давление не малое – на определенное политическое развитие, которое должно проходить у нас после ноябрьского пленума»¹²².

Такого рода заявления фиксировали тот момент, что КПЧ постепенно теряла авторитет, который она приобрела после января 1968 г., что она расходилась с обществом¹²³, а альтернативные голоса звучали уже глуше.

Однако пламя протестов разгоралось с новой силой, и власти предприняли очередную попытку диалога со студентами на высшем государственном уровне. 27 ноября¹²⁴ с представителями Союза студентов высших учебных заведений снова встретился председатель ЦК НФ Э. Эрбан. На ней лидер студентов М. Дымачек назвал прошедший пленум ЦК КПЧ «ноябрьским компромиссом», поскольку руководящие посты заняли те, кому «студенты не доверяют». Далее он акцентировал внимание на манифестационном характере забастовки, проводившейся в знак протеста против опасности консолидации доянварских сил¹²⁵. Но одно дело встреча до забастовки или тому подобной акции, и другое – после нее. Конструктивный диалог давался с трудом.

Эрбан, как следует из протокола переговоров, пытался объяснить: то, что делает партия – «не компромисс, а выход из реальных, а не иллюзорных условий»¹²⁶. Один из представителей студентов назвал студенческий документ «Десять пунктов» «программой-минимум», пояснив, что изначально положения документа формулировались более жестко, в частности в нем содержался пункт о выражении недоверия Дубчеку¹²⁷. Эти две позиции содержали вектор компромисса, и вывод Эрбана относительно того, что надо сделать возможным участие студентов в активной политике, совпадал – хотя бы формально – с тем, что Дымачек со своей стороны предложил «конструктивное использование нашей (т. е. студенчества. – Э. З.) политической силы»¹²⁸.

В целом студенческую забастовку можно трактовать двояко. С одной стороны, даже в условиях «нормализации» она продолжала массовое движение протеста под лозунгом «социализма с человеческим лицом». С другой – ее можно считать первым выражением сформировавшейся оппозиции. И в этом ракурсе ее результаты превзошли ожидания тех, кто до января 1968 г. и в ходе Пражской весны стремился заложить основы постоянного сотрудничества студентов и рабочих. В то же время преследования бастующих знаменовали начало конца массовых движений протеста на легальной основе.

После забастовки в ноябре 1968 г., фактический неуспех которой студенты восприняли как крушение надежд на «социализм с человеческим лицом», студенческое движение подверглось дифференциации. Часть студентов охватило чувство безнадежности и бессилия, что обусловило возникновение как пораженческих, так и радикальных настроений. Приверженцы

¹²² Komunistická strana Československa... D. 9. Sv. 4. S. 46.

¹²³ Ibid. Úvod. S. 8.

¹²⁴ В сборнике документов Občanská společnost... D. 2. Sv. 1 на с. 513 говорится, что встреча состоялась 28 ноября.

¹²⁵ Občanská společnost... D. 2. Sv. 2. S. 103.

¹²⁶ Ibid. S. 104.

¹²⁷ Ibidem.

¹²⁸ Ibidem.

радикальных мер заняли по отношению к руководству А. Дубчека жесткую позицию, отказавшись от Программы действий КПЧ как программы выхода из кризиса. Именно на этой базе несколько позднее сформировалось оппозиционное нелегальное Движение революционной молодежи. Эстафета же массовых протестов к концу 1968 г. перешла к профсоюзам.

16–19 декабря 1968 г. в Праге во Дворце съездов состоялся учредительный съезд Чешского профсоюза рабочих металлообрабатывающей промышленности, решительно потребовавший продолжения инициированных в дни Пражской весны реформ, в том числе курса на самоуправление. Съезд поддержал предложения о номинации Й. Смрковского на пост председателя Федерального собрания ЧССР (ФС ЧССР), которое, согласно Закону о федерации, находилось в стадии формирования. В качестве гостя на съезде выступил он сам, а его кандидатуру уже поддерживали студенческие организации и союзы творческой интеллигенции. Предостерегающий голос делегатов съезда профсоюза рабочих-металлистов, представлявшего 900 тыс. членов, зазвучал особенно громко.

Знаменательный факт в оппозиционном движении этого времени – Договор о сотрудничестве Чешского профсоюза рабочих металлообрабатывающей промышленности и Союза студентов вузов Чехии и Моравии¹²⁹. Договор одобрили 1200 делегатов съезда (воздержались 17 чел.)¹³⁰. Для студентов же он значил признание общесоциальной весомости своего движения.

По договоренности со студентами профсоюз приступил к подготовке забастовок протеста¹³¹. Весь северо-восточный угольный бассейн принял решение начать 28 декабря забастовку, которая должна послужить сигналом присоединения остальных. Но после переговоров профсоюза с премьером О. Черником забастовка была отложена. Протесты общественности все же не прошли напрасно, они заставили власти по крайней мере идти на компромиссы, признавая законность ряда требований.

Таким образом, Чешский профсоюз рабочих металлообрабатывающей промышленности 19 декабря 1968 г. принес оппозиционному движению первый конкретный результат сотрудничества со студентами: начало всенародной кампании в поддержку кандидатуры Й. Смрковского на пост председателя ФС ЧССР. В распространявшемся в самиздате Открытом письме в адрес депутатов Национального собрания ЦК Чешского профсоюза рабочих-металлистов заявил: «Если не будет принят во внимание предупреждающий голос почти миллионной организации работников металлообрабатывающей промышленности, мы полны решимости начать забастовку». Рабочие получили поддержку представителей 330 тыс. работников строительной промышленности, 200 тыс. крестьян, 180 тыс. железнодорожников, профсоюза работников печати и других. Кампанию поддержал и Координационный комитет творческих союзов¹³². Декабрьские дни тем самым ярко продемонстрировали вектор дальнейшего развития протестного движения – солидарные действия студентов, рабочих и интеллигенции.

21 декабря состоялась еще одна встреча представителей Союза студентов вузов Чехии и Моравии с О. Черником и Э. Эрбаном. Студенты изложили свои взгляды на политическую ситуацию, прокомментировав основное содержание своего договора с Чешским профсоюзом металлистов¹³³, который для высшего эшелона власти представлялся не только неприемлемым, но и побуждавшим к нестабильности.

Проходившие в стране события заставили консерваторов мобилизовать свои силы и готовиться к контрнаступлению. Выступивший 25 декабря по радио и телевидению Г. Гусак заявил,

¹²⁹ Občanská společnost... D. 2. Sv. 1. S. 198–199.

¹³⁰ Ibid. S. 199. Pozn. 9.

¹³¹ Madry J. Op. cit. S. 26.

¹³² Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 44.

¹³³ Občanská společnost... D. 2. Sv. 1. S. 515.

что в соответствии с Законом о федерации пост председателя федерального парламента должен занять словак. В свою очередь, Чешский профсоюз металлистов спустя два дня еще раз повторил требования резолюции своего съезда и напомнил властям об угрозе забастовки в поддержку своего кандидата – Й. Смрковского.

Противостояние властей (довольно жестких) и оппозиционных сил (постоянно укреплявшихся) интенсифицировалось, и разрешение кризиса под бдительным оком Москвы путем устранения реформаторских сил из руководства партии и государства стало неизбежным. Но и оппозиционеры не собирались сдавать свои позиции.

§ 2. Эскалация сопротивления

1 января 1969 г. в ЧССР вступил в действие конституционный Закон о федеративном устройстве государства, составной частью которого являлось преобразование Национального собрания в Федеральное собрание ЧССР с двумя палатами – Палатой депутатов и Палатой национальностей. Принцип равноправия, согласно закону, обеспечивался паритетным представительством чехов и словаков во всех центральных органах федерации общегосударственного значения. Закон удовлетворил требования словаков и «пригасил» их оппозиционные настроения.

В рамки Закона о федерации вполне укладывалось требование Гусаком равномерного распределения четырех высших политических и государственных постов и его предложение кандидатуры словака на пост председателя ФС ЧССР. Но в сложившейся в стране ситуации политический подтекст рокировок был очевиден: пост председателя Национального собрания занимал Й. Смрковский. Цель маневра – устранение этого коммуниста-реформатора с высшего государственного поста, что автоматически лишало его и членства в исполкоме Президиума ЦК КПЧ, фактически являвшегося высшим органом политической власти в стране. Понятно было и то, что смещение Смрковского существенно подрывало позиции Дубчека¹³⁴. В актив можно было отнести решение о статусе двух государствообразующих наций, что сопровождалось спадом оппозиционных настроений в Словакии. Во всяком случае, одна часть страны – по крайней мере формально – оказалась умиротворенной.

Таким образом, новый 1969 год предвещал усложнение политической борьбы внутри страны уже не только по намечавшейся линии интенсификации антинормализационного движения, но и по линии представлявшейся решенной проблемы чешско-словацких государственно-правовых отношений.

Что касается противостояния студентов и поддерживавших их рабочих, а также правящих сил в Чехословакии, то ни Рождественские, ни новогодние праздники не разрядили обстановку и покоя не сулили. В связи с этим власти в очередной раз решили пойти на диалог со студентами. 3 января 1969 г. в здании президиума федерального правительства в Праге Г. Гусак в присутствии председателя словацкого правительства Ш. Садовского и его заместителей П. Цолотки и С. Фалтяна встретился с делегацией президиума Союза студентов вузов Чехии и Моравии во главе с М. Дымачеком¹³⁵. На встрече, длившейся два с половиной часа, велся, по словам Гусака, «открытый разговор» о политических вопросах, включая и остававшуюся нерешенной проблему о председателе ФС ЧССР. Участие в переговорах Гусака со студентами исключительно словацких государственных лидеров нельзя назвать случайным. Сделав выбор в пользу П. Цолотки, он решил, во-первых, познакомить студентов с потенциальным кандидатом на высший пост в ФС ЧССР, а во-вторых, воспользоваться случаем для зондажа студенческой реакции. Но этим нажим на студентов не ограничился, он ощущался и в прозвучавшем в словах Гусака предостережении в случае неповиновения студентов: «Могут прийти войска, могут наступить исключения, аресты»¹³⁶. Тем самым он проецировал реакцию властей на возможные протестные акции конкретными примерами ответных действий.

Того же 3 января 1969 г., через несколько часов после приезда в Прагу советской делегации, Президиум ЦК КПЧ выступил с заявлением, в котором в резкой форме осудил всю кампанию протеста и особенно угрозу забастовки. Одновременно Смрковский, Дубчек, Свобода и Черник направили рабочим-металлистам письмо, призывавшее их проявить понимание

¹³⁴ Madry J. Op. cit. S. 26.

¹³⁵ Komunistická strana Československa... D. 9. Sv.4. S. 194, 199. Pozn. 5.

¹³⁶ Цит по: Madry J. Op. cit. S. 27.

и предупреждавшее о трагических последствиях, которые их предзабастовочная активность может иметь для судеб всего государства. В том же тоне через два дня по телевидению выступил Смрковский и просил рабочих не бастовать ради него. Разумеется, он прекрасно понимал, что данная акция – это по большому счету протест против оккупации. Но дни его пребывания в высших эшелонах власти были уже сочтены. 7 января 1969 г. Президиум ЦК объявил о выдвижении на пост председателя ФС ЧССР П. Цолотки.

Казалось, решение найдено, однако власти, проигнорировав популярные среди населения требования, по-прежнему опасались взрывной реакции общества. К тому же команда А. Дубчека во избежание осложнений в отношениях с СССР пыталась не допустить срыва выполнения обязательств, зафиксированных Московским протоколом. Именно поэтому 8 января 1969 г. в своем выступлении по телевидению Дубчек призвал граждан покончить с угрозами добиваться реализации своих требований с помощью забастовок и призвал их соблюдать порядок и дисциплину. В то же время консервативные силы, воспользовавшись ситуацией, активизировали выпады против послееянварской политики и лидеров Пражской весны – Й. Смрковского, Ф. Кригеля, О. Шика, Э. Гольдштюкера и др. Со временем указанная тенденция только усиливалась, а поскольку оппозиционное движение с ярко выраженными тенденциями к сплоченности становилось слишком опасным для режима, он решил покончить с ним, пока это еще было возможно. Ставка при этом делалась на «здоровые силы» в партии.

Давление консерваторы развернули на всех направлениях. Так, 9 января после продолжительных дебатов с представителями власти делегация Центрального совета Чешского профсоюза рабочих-металлистов отказалась от своего решения начать забастовку. Взамен лидеры профсоюза получили следующее обещание: Смрковский выставит свою кандидатуру на пост председателя ФС ЧССР на очередных парламентских выборах. Создавалось впечатление, что руководители забастовки удовлетворились тем, что их выслушали, а представители власти – что с ними посчитались. Спад оппозиционного движения к наступлению весны представлялся неотвратимым: шла речь лишь о тактике отступления¹³⁷.

Но пока что это, действительно, оказалось всего лишь впечатлением. Рабочие на заводах не одобряли усиливавшуюся линию на компромисс, принятую их профсоюзными лидерами. Не случайно именно в эти дни рабочее движение самоуправления достигло наибольшего размаха. 9–10 января 1969 г. в Пльзени на заводах им. Ленина собралась общечешская конференция комитетов рабочего самоуправления, представлявших 16 предприятий. Она избрала Координационный комитет, представлявший 200 из существовавших 500 советов предприятий, приступивший к формированию Центрального общечешского совета самоуправления, т. е. Центрального совета рабочих. Уместно отметить, что соответствующий опыт позже использовала польская «Солидарность», деятельность которой оказалась гораздо более длительной, активной и в конечном итоге успешной.

Под давлением нараставшего протестного движения в развернувшейся 14 января на заседании Президиума ЦК КПЧ дискуссии наконец были поставлены вопросы о дате проведения выборов в представительные органы и созыв съезда КПЧ. А. Дубчек сообщил, что работа по подготовке съезда ведется и что вместе с О. Черником они даже внесли предложение о проведении выборов на основе единого списка кандидатов. Информация Дубчека о готовившемся съезде, проведение которого принципиально блокировалось Московским протоколом, едва ли добавляло ноты оптимизма в настроение консервативной фракции в высших коридорах власти. Вместе с тем она вселяла надежды на определенные встречные движения властей.

¹³⁷ Возраставшие опасения режима вызвала и интеллигенция, которая, несмотря на постоянное вмешательство цензуры, сумела удержать максимально возможный уровень правдивости в СМИ, особенно в печати. Отдельные профсоюзы работников культуры создали в конце августа 1968 г. Координационный комитет творческих союзов, который регулярно выражал поддержку интеллигенции, деятелей искусств и науки действиям студенчества и рабочих. Все же интеллигенция столь мощным актором оппозиционного движения, как первые и вторые, не стала.

Дискуссия с новой силой разгорелась через два дня, на очередном пленуме ЦК КПЧ. Пленум, работа которого проходила 16–17 января 1969 г., отличался боевой атмосферой, поскольку среди выступавших преобладали представители двух полярных течений – реформаторского и консервативного. На нем, в частности, продолжалось обсуждение даты выборов в представительные органы и проведения съезда КПЧ. Р. Черны предложил проект постановления, один из пунктов которого гласил: пленум ЦК КПЧ не позднее конца первого полугодия 1969 г. должен заняться определением сроков внеочередного съезда КПЧ и съезда партии Чешских земель¹³⁸. Второй пункт предложенной Черны резолюции констатировал настоятельность: во-первых, проведения пленума ЦК компартии Чешских земель, в котором должны принять участие члены ЦК КПЧ – граждане Чешской Социалистической Республики; во-вторых, вынесения на пленум отчета о деятельности нынешнего Бюро ЦК по Чешским землям¹³⁹.

Эти предложения реформаторы настойчиво ставили на повестку, руководствуясь Законом о федерации. Консерваторы, в свою очередь, взяли на вооружение тактику обходных маневров: не допустить созыва съезда и проведения парламентских выборов. Р. Балоушек выступил с критикой систематического оттягивания выборов и съезда КПЧ, указав, что в этом случае «на политику в дальнейшем могут оказывать влияние лица, исчерпавшие моральный и политический кредит»¹⁴⁰. «Центральному комитету партии и президиуму, – продолжал он, – следует осознать, что члены партии уже не желают быть лишь пассивными исполнителями политики центрального комитета, но что они намерены стать соавторами во всех сферах политики партии, что они не хотят лишь – как это было в прошлом – стереотипно выполнять поставленные высшими партийными органами задачи, не проверяя лично их правильность. Они хотят быть соавторами этой политики, чтобы в будущем не отвечать перед собой и обществом в целом за деформации в партии и обществе»¹⁴¹.

Однако «здоровые силы» в КПЧ попытались использовать попытки сторонников реформ выйти за рамки Московского протокола для эскалации борьбы против «правых». Коммунисты-реформаторы заняли «круговую оборону» и отказались квалифицировать политическую активность общества как деятельность антисоциалистических сил, высказались за максимальную свободу информации, по крайней мере, в сфере внутренней политики. Они выступали за расширение демократических элементов в обществе, пытаясь не довести до критической точки разрыв между КПЧ и прогрессивными течениями. Однако в резолюцию пленума эти требования внести не удалось, а консервативная фракция в партии сделала очередной шаг на пути своей консолидации. Итоги пленума продемонстрировали все более усиливавшиеся расхождения во взглядах представителей различных внутрипартийных течений.

Постепенно общество охватывало чувство безнадежности, неожиданно прерванное 16 января – в первый день работы январского пленума ЦК КПЧ – 21-летним студентом Яном Палахом, который в центре Праги публично сжег себя. Попытки саможжения предпринимались 20 января в Пльзени (Я. Главаты) и 22 января в Брно (М. Малинка). 25 февраля поступок Палаха на Вацлавской площади в Праге повторил учащийся средней школы Я. Зайиц. Режим оказался в новом кризисе, который А. Дубчек назвал «самым серьезным после августа»¹⁴².

Спонтанная реакция общественности, выразившаяся в демонстрации нескольких сот тысяч человек, вынудила правительство опубликовать письмо Палаха с его призывом к забастовке. В нем он активно защищал послеянварские завоевания, хотя выдвигавшиеся им тре-

¹³⁸ Komunistická strana Československa... D. 9. Sv. 4. S. 161.

¹³⁹ Ibid. S. 161–162.

¹⁴⁰ Ibid. S. 168.

¹⁴¹ Ibidem.

¹⁴² Golan G. Reform Rule in Czechoslovakia: Dubcek Era. 1968–1969. Cambridge, 1973. P. 258.

бования (отмена цензуры и запрещение издававшегося режимом коллаборационистского журнала «Зправы») выглядели намного скромнее.

Примечательно, что в запале полемики члены ЦК не отреагировали на поступок Палаха в резолюции пленума. И это можно считать показателем снижения влияния реформаторов в высших эшелонах власти. Январские жертвы наряду с мощным откликом на эти события со стороны рабочих и студентов заставили руководство КПЧ и правительство отреагировать новыми призывами к порядку. В этот раз их проводником стал главным образом президент Л. Свобода, который в своем выступлении по телевидению 20 января пообещал защищать «все демократические свободы» и одновременно предостерегал перед опасностью разрастания пожара, ценой которого могут стать тысячи невинных жертв¹⁴³.

Вышедшие на улицы в знак солидарности с Палахом студенты ожидали, что руководство КПЧ или, по крайней мере, его реформаторская часть их поддержит, но этого не произошло. С данного момента, как пишет Колодзей, дороги студентов и партийных реформаторов начали расходиться. В связи с этим усугублялась дифференциация и среди студентов.

Дубчековское руководство не столько не хотело, сколько не могло изменить свою политику: оно было вынуждено (если не сказать – обречено) выполнять данные в Москве обязательства. Руководители партии и государства, даже настроенные наиболее радикально, не хотели и уже не могли изменить свою политику. Это чувствовалось и в речи Смирковского, с которой он обратился к студентам в Брно, произнесенной через два дня после самосожжения Палаха. С одной стороны, он признал, что студенты «в последнее время установили контакты с рабочим классом. Это великое дело, это очень важно. Но ведь что может случиться? Если вы пойдете на эти действия, как решили... то может случиться, что на наших улицах снова появятся танки. При этом не исключены провокации и может произойти большое кровопролитие. Тогда конец всем надеждам...». Речь распространялась студенческой службой печати и информации, чтобы показать: надежде на поддержку власти наступает конец.

Председатель правительства О. Черник в своем выступлении на республиканском съезде (большинство его делегатов – сторонники послеянварской политики) чешских профсоюзов 21–23 января 1969 г. подобным же образом попытался проанализировать сложившееся положение. Тем не менее делегаты съезда приняли резолюцию, в которой требовали ухода в отставку всех политиков, не имевших морального права занимать свои высокие посты и утративших доверие граждан.

Они более последовательно, чем члены партии, требовали проведения в кратчайшие сроки выборов в высшие органы власти, ратовали за полную реализацию гражданских свобод, закрепленных в конституции. Это означало отмену цензуры и других ограничений прав граждан.

Тем не менее и профсоюзы, и студенты снова и снова утверждались во мнении, что Дубчек и реформаторское течение в партии не намерены вести последовательную борьбу за идеалы Пражской весны, и обвиняли руководство страны в том, что послеавгустовская политика ведет к предательству провозглашенных ими же идеалов. «Мы опасаемся, – писали студенты ФФ КУ в Праге, – что в этих условиях окончательно исчезает наша надежда, что когда-либо в будущем мы найдем с этим руководством (т. е. дубчековским) общий язык»¹⁴⁴.

29–31 января 1969 г. состоялась учредительная сессия федерального парламента, поставившая точку над «i» в борьбе за пост председателя федерального законодательного собрания. Хотя на ней председателем ФС ЧССР избрали словака П. Цолотку, все же Й. Смирковский получил пост председателя Палаты депутатов; председателем Палаты национальностей стал Д. Ганес. Противостояние власти и общества завершилось очередным компромиссом, а наби-

¹⁴³ Цит по: *Madry J.* Op. cit. S. 28.

¹⁴⁴ *Bárta M.* Op. cit. S. 44.

равшие мощь антиреформаторские силы пока еще вынуждены были прислушиваться к мнению «народа» и не рисковали решать спорные вопросы силовыми методами.

Тем более, что к началу 1969 г. уже давали себя знать заложенные основы сотрудничества студентов и рабочих. Появление нескольких студенческо-рабочих комитетов весной 1968 г., в период Пражской весны, считалось крупным успехом. В течение же января 1969 г. они возникали практически во всех чешских городах, функционируя на уровне факультет-завод. Постепенно складывалось ежедневное сотрудничество, что и предусматривалось договорами, заключенными между Союзом студентов и отдельными профсоюзами, которые демонстрировали единство студентов и рабочих против политики уступок и компромиссов.

Репрезентативным в этом плане стал договор от 23 января 1969 г. Союза студентов вузов и Чешского профсоюза работников печати. В нем подчеркивался факт активности рабочего класса и молодежи; содержалось требование реализации идеи Закона о социалистическом предприятии как основе дальнейшего демократического развития, а также протест против концентрации «власти и информации в руках узкой группы ведущих представителей»¹⁴⁵.

Договор Союза работников энергетической промышленности выражал обеспокоенность сторон возобновлением «доянварского» деления граждан на партийных и беспартийных. Политика ведущей партии в государстве, как отмечалось в документе, должна быть приемлемой для большинства населения, независимо от партийной принадлежности – так, как это было после января 1968 г. В договоре, заключенном Союзом студентов высших учебных заведений и Чешским профсоюзом работников в области проектирования и инженерной деятельности, подчеркивалось обязательство «предоставить защиту при преследовании за свободное выражение мыслей в научной, учебной, педагогической и общественной деятельности, за выражение политического убеждения или при преследовании из-за социального происхождения»¹⁴⁶. В его преамбуле упоминалась трагическая гибель Я. Палаха и добавлено: «мы сознаем и нашу ответственность за этот поступок чистого и невинного человека, разбудившего сознание нашего народа...»¹⁴⁷. В договоре Союза студентов высших учебных заведений с Чешским профсоюзом работников горной промышленности, геологии и газовой промышленности ставился акцент на сотрудничестве в социальной и профессиональной областях.

В целом тексты практически всех договоров, выражавшие поддержку ноябрьской трехдневной забастовки студентов, выходили за рамки требований студенческого документа «Десять пунктов» и наполнялись качественно новым содержанием, включая политические требования: проведение парламентских выборов, немедленный созыв съезда коммунистической партии Чешских земель (требование периода Пражской весны), восстановление суверенитета ЧССР и вывод иностранных войск. Звучали призывы вести борьбу всеми средствами против преследования отдельных граждан или групп, которые своими действиями выражали волю большинства народа¹⁴⁸. Студенты часто помогали собираться рабочим разных заводов. В итоге возникла неформальная связь вне официальной профсоюзной структуры. Подобного рода неформальные организации нельзя было уничтожить решением или запретом. В конце января 1969 г. существовало более 120 заводских советов, которые представляли около 890 тыс. занятых¹⁴⁹. И, скорее всего, именно рабочие, которые приобрели такой опыт, помогали возникновению в дальнейшем нелегальной партии Рабочих Советов¹⁵⁰. В начале 1969 г. президиум Союза студентов вузов учредил даже специальную секцию по связям с рабочими.

¹⁴⁵ Текст Договора см.: *Občanská společnost...* D. 2. Sv. 2. S. 105–106.

¹⁴⁶ Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 284–285.

¹⁴⁷ Там же. С. 285.

¹⁴⁸ Там же. С. 284.

¹⁴⁹ *Bárta M.* Op. cit. S. 22.

¹⁵⁰ Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 291–297.

Прозвучавшие на заседании Президиума ЦК КПЧ 14 января и на январском пленуме ЦК КПЧ предложения о необходимости проведения в ближайшее время съезда КПЧ и выборов в представительные органы вызвали серьезную обеспокоенность Кремля. Брежнев и Косыгин уже 23 января 1969 г. в письме Дубчеку и Чернику обратили внимание на то, что события в Чехословакии после смерти Палаха приобрели «опасный политический характер», поскольку в ряде выступлений звучали требования немедленного проведения выборов в государственные органы, продолжения работы XIV съезда и созыва съезда чешских коммунистов¹⁵¹. Фактически часть требований, которые как раз блокировались Московским протоколом, признавалась приемлемой или допустимой только после «нормализации» положения в стране. Создание же чешской компартии вообще не допускалось¹⁵².

Что касается позиции других стран Варшавского договора, то максимально критическая позиция ГДР и Польши по отношению к «социализму с человеческим лицом» получила широкую известность. Весьма примечательно сообщение из более толерантной Венгрии, направленное из Будапешта в МИД ЧССР чехословацким посольством 27 января. В нем утверждалось, что развитие событий в Чехословакии в последнее время «вызывает значительную нервность и беспокойство в ВНР». «Венгерское руководство, – говорилось в документе, – выражает опасения, что продолжавшийся в ЧССР в течение длительного времени политический кризис может привести к активизации некоторых политических сил в Венгрии, в первую очередь в кругах венгерской интеллигенции, неконформистские взгляды которых до настоящего времени удавалось сдерживать благодаря взвешенной практической политике венгерского руководства»¹⁵³. Фактически принимались меры против возможного проникновения «чехословацкой заразы» в Венгрию, где «пламя контрреволюции» было уже однажды погашено в октябре 1956 г. Действительно, войска введены, а оппозиция не только не прекращала своей деятельности, но на ряде направлений даже активизировала ее. В связи с этим намечалось усиление общего интереса всех пяти стран Варшавского договора решить чехословацкую проблему как можно быстрее¹⁵⁴.

Одно из побуждений к этому – непрекращавшиеся массовые демонстрации в Праге и других городах страны. Несмотря на увещевания властей, 25 января тысячи людей пришли проводить в последний путь Я. Палаха, а в ходе прошедшей на следующий день в столице демонстрации полиция арестовала 199 чел.¹⁵⁵. С момента начала советской оккупации она представляла самую масштабную публичную акцию и трудно было уйти от ощущения, что она – не последняя.

Что касается руководства КПЧ, то и здесь ситуация выглядела достаточно напряженной. 5 февраля 1969 г. принимается проект постановления Президиума ЦК КПЧ¹⁵⁶ по реализации итогов январского пленума, который предназначался для ежегодных собраний членов партии. Документ носил компромиссный характер, фиксируя следы нестихавшей непримиримой борьбы двух внутрипартийных фракций – реформаторской и консервативной.

Проект не обошел стороной ни забастовку студентов, ни «Десять пунктов», ни активность профсоюзов. В нем говорилось, что после ноябрьского пленума наметилась тенденция объединить студенчество «в общей политической акции в качестве общественной силы» (из констатации заявления Комитета действий студентов пражских вузов), поддержан-

¹⁵¹ Цит. по: *Madry J. Op. cit. S. 38.*

¹⁵² См.: *Власть – общество – реформы...* С. 285–293.

¹⁵³ *Madry J. Op. cit. S. 41.*

¹⁵⁴ *Ibidem.*

¹⁵⁵ *Czechoslovakia 1968–1969...* P. 115.

¹⁵⁶ Текст окончательной версии постановления публикаторам найти не удалось. См.: *Komunistická strana Československa...* D. 9. Sv. 4. S. 219.

ная другими организациями, в том числе и некоторыми профсоюзами¹⁵⁷. «Обнажилась, – указывалось в документе, – весьма серьезная проблема, связанная с молодым поколением, в первую очередь вузовским студенчеством. Ее глубокие причины коренятся в ошибках и деформациях прошлых лет, однако нельзя недооценивать и влияние чуждых и неправильных взглядов, которые проникают в молодежную среду и в студенческое движение». Вопреки фактам в проекте постановления и ряде других партийных документов утверждалось, что большинство студентов приближается к позициям КПЧ, однако некоторые лица или небольшие группы стремятся втянуть учащуюся молодежь на путь конфликта с партией и государством¹⁵⁸. «Мы считаем необходимым, – подчеркивалось в документе, – усилить политическое влияние партии на студенческое движение, повысить ответственность вузовских преподавателей и сотрудников, в первую очередь коммунистов, на студентов, призвать их к ответственности и взвешенности, активно содействовать тому, чтобы в студенческом движении возобладали разумные интересы и взгляды, которые сможет разделить большая часть студентов. Нельзя допустить, чтобы и в дальнейшем Союз студентов вузов, если он намерен выступать политически и защищать интересы студентов, находился вне Национального фронта и не подчинялся дисциплине»¹⁵⁹. Тем самым партийная политика по отношению к Союзу студентов становилась все более жесткой, а его участь в определенной степени предрешенной. Все же данные пассажи документа нельзя назвать полной победой консерваторов, хотя вектор дальнейших действий по отношению к оппозиции выстраивался в нем уже достаточно определенно.

В документе в очередной раз поднимался вопрос о съезде КПЧ, проведение которого, как отмечалось в нем, является «центром обоснованного интереса коммунистов и беспартийных». «Поэтому, – подчеркивалось в проекте, – в качестве первоочередной задачи мы требуем вести подготовку к проведению съезда в соответствии с уставом партии, хотя открыто заявляем о *нереальности и невозможности немедленного его проведения* (курсив мой. – Э. З.)»¹⁶⁰. В отличие от предшествующих партийных форумов, на которых по данному вопросу проходила свободная дискуссия и никаких конкретных, а тем более категорических решений не принималось, в проекте предпринята попытка напомнить об оформленных на этот счет Московским протоколом обязательствах чехословацкой стороны. Внесенная в проект постановления весьма причудливая формула отразила противоречивость ситуации: шла речь о необходимости проведения съезда, но утверждалось и мнение против его немедленного созыва. Можно вычислить, что за постановкой вопроса о немедленном съезде скрывались «правые», т. е. реформаторское крыло руководства, за положением же о невозможности его быстрого проведения – «здоровые силы», собственно консервативное крыло. В первую очередь, их намечавшимися лидерами утверждалось, что партия «не может позволить себе идти на выборы, пока не добьется сплоченности своих рядов и такой консолидации общества, которые смогут гарантировать их результаты». Лишь после этого можно рассчитывать и на проведение «выборов в высшие представительные органы в следующем году после съезда партии, который представит политическую, организационную и программную базу для участия партии в выборах»¹⁶¹.

Подобная стратегия исходила из того, что съезду предстояло стать не предпосылкой «нормализации», а ее итогом, результатом «успешного решения задач», не расходившихся с этой стратегией. «Ультиматумы», отмечалось в документе, приведут к «возникновению нового кризиса». Далее демагогически утверждалось, что «нет причин создавать вокруг

¹⁵⁷ Komunistická strana Československa... D. 9. Sv. 4. S. 210.

¹⁵⁸ Ibid. S. 215–216.

¹⁵⁹ Ibid. S. 216.

¹⁶⁰ Ibid. S. 213.

¹⁶¹ Ibid. S. 214.

вопроса о сроках проведения выборов атмосферу нервозности и давления, которые в реальности лишь осложнили бы их подготовку»¹⁶².

Оппозиции был послан сигнал: если съезд и состоится, то лишь под диктовку «здоровых сил», которые все еще находились в стадии «консолидации» и какой они примут вид – оставалось только догадываться. Зато существование такой оппозиции, которая могла бы влиять на сроки созыва съезда и, более того, настаивать на уже становившемся крамольным требовании создания чешской компартии, проведения выборов и т. п., уже не предполагалось.

Проект постановления от 5 февраля 1969 г. не обошел и ряда конкретных вопросов. Говорилось, что решения декабрьского пленума, нацеленные на экономическую сферу, тормозились кампанией вокруг Й. Смирковского; осуждались попытки использовать чувства, вызванные трагическим актом Яна Палаха; отвергалась пропаганда забастовок и других открытых форм протеста. Подчеркивалось, что в Словакии появились попытки злоупотребления в политических целях религиозными чувствами людей¹⁶³. Тем самым в партийном документе невольно отражалась картина широкого социального недовольства в стране, а также имелись обобщенные суждения о том, что ситуация может усугубляться.

Проект указывал на «большую опасность» лозунгов «о так наз. народном движении», о «всенародном движении в защиту демократического социализма», которые появились в связи с ноябрьской забастовкой студентов. Забастовка, утверждалось в документе, «вылилась в стремления заключать политические соглашения о координированных действиях различных организаций вне существующей политической системы, выносить эти платформы на предприятия, организовывать в их поддержку публичные собрания и акции, выступая на них против партии и ее политики»¹⁶⁴. Взяв эти названия из оппозиционных органов печати («Репортер», № 4/1969 и «Листы», № 4/2), документ зафиксировал и момент «первой фазы перехода от спонтанности к определенной организованности, а затем, несомненно, и от акций оборонительных к наступательным». В частности, подчеркивалась опасность лозунга «профсоюзы без коммунистов»¹⁶⁵, а также то, что события после гибели Палаха свидетельствовали об организованных и скоординированных акциях общегосударственного масштаба¹⁶⁶. Собственно, этого как раз больше всего и опасались власти.

Наконец, в проекте постановления констатировалось, что многие выступления «исходят из концепций, которые имеют иные идейно-политические корни, нежели марксистско-ленинская концепция построения социализма». Это звучало как предостережение не только сторонникам «социализма с человеческим лицом», но также и тем, кто «прятал» за этим лицом, образно говоря, «вражескую личину».

Указанные трактовки показывают, какой характер стали приобретать задачи политической «консолидации», в ходе которой предполагалось формировать необходимые политические предпосылки для проведения общегосударственного съезда партии, съезда ее чешской национально-территориальной организации и выборов. Документ включал и другие подобного рода требования, что говорило о сохранении некоторого влияния коммунистов-реформаторов. Консерваторы пока еще не решались окончательно выхолостить из него реформаторские веяния, но свою линию обозначили с достаточной определенностью. Документ свидетельствовал, что уже к весне 1969 г. инициативы Дубчека и других коммунистов-реформаторов были обречены на неудачу, а оппозиция в рамках легальности – на отступление и поражение. Их противниками разыгрывалась карта угрожающего кризиса и превращения оппозиции в некое пугало.

¹⁶² Ibidem.

¹⁶³ Ibid. S. S. 210.

¹⁶⁴ Ibid. S. S. 211.

¹⁶⁵ Ibidem.

¹⁶⁶ Ibidem.

Тем более что солидарность рабочих и студентов начинала приобретать угрожающий для власти характер. Вполне объяснимо, что уже в марте 1969 г. Бюро ЦК по Чешским землям выразило обеспокоенность ростом числа договоров и координационных комитетов. По мере упрочения «режима нормализации» договоры начали все чаще принимать оборонительный характер. В постановлении общего собрания представителей пражских заводов и студентов от 16 апреля 1969 г. в пункте 3 говорится: «В случае преследований кого-либо из представителей рабочих и студенческого движения, прогрессивных политиков, журналистов, работников культуры и науки рабочие и студенты будут выступать вместе в их защиту»¹⁶⁷.

Вместе с тем в ряде договоров стали проявляться и моменты отступления. Так, некоторые профсоюзы изъяли из текста Договора с профсоюзами металлообрабатывающей промышленности ряд самых радикальных формулировок¹⁶⁸. В частности, исчезло упоминание об успешном сопротивлении народа Чехословакии вторжению и требование прекратить политику уступок внешнему давлению.

Можно сказать, что период до смещения Дубчека и прихода к власти Гусака характеризовался не только легальными формами сопротивления, но и готовностью высших властей к диалогу с оппозиционно настроенной частью общества, в первую очередь со студентами. Как следует из документов, готовность идти на подобный диалог демонстрировали не только коммунисты-реформаторы (Дубчек и др.), но и Гусак со своими приверженцами (Цолотка и др.).

Еще в январе 1969 г. профсоюзы включились в подготовку закона о предприятии, важнейшей составной частью которого явилось определение полномочий советов трудящихся (заводских или рабочих советов). К марту 1969 г. их количество достигло 500¹⁶⁹. Однако Черник отказался от данного им ранее обещания представить проект закона не позднее конца первого квартала 1969 г. Участники проходившего 4–7 марта 1969 г. VII¹⁷⁰ съезда профсоюзов в принятой резолюции открыто выразили несогласие с изменением этих сроков. Съезд принял следующие документы: Хартию чехословацкого профсоюзного движения с требованием продолжения намеченных Программой действий экономических реформ; Программу Революционного профсоюзного движения, а также документ «К вопросу о советах трудящихся», в котором намечались перспективы развития системы самоуправления на предприятиях. Кроме этого на профсоюзном съезде его делегаты – рабочие-металлисты приняли проект письма, которое адресовалось советским профсоюзам, а также предпринимались попытки выдвижения кандидатуры Й. Смрковского на пост председателя Центрального совета Революционного профсоюзного движения Чехословакии¹⁷¹.

Дискуссия на съезде носила ярко выраженный политический характер, а большинство его делегатов безоговорочно поддержало послеянварский курс на демократизацию. Обвинения Гусака и его приверженцев в адрес «антисоциалистических сил», которые якобы злоупотребляли гражданскими свободами, были признаны несостоятельными. Профсоюзы внесли в резолюцию съезда пункт о расширении гражданских прав, чтобы «каждый трудящийся мог свободно выражать свои взгляды». В связи с этим предполагалась защита СМИ со стороны общества и требование предоставления реальной свободы журналистам в их деятельности. Хартия чехословацкого профсоюзного движения в качестве политического инструмента борьбы в защиту демократии утвердила право на забастовку. Студенты могли гордиться: мно-

¹⁶⁷ Цит. по: *Občanská společnost...* D. 2. Sv. 1. S. 199. Pozn. 1.

¹⁶⁸ Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 283.

¹⁶⁹ *Madry J.* Op. cit. S. 37.

¹⁷⁰ В хронике сборника документов (*Občanská společnost...* S. 508) говорится, что 4–7 марта 1969 г., состоялся VIII съезд профсоюзов, в других источниках он проходит как VII съезд. См.: *Czechoslovakia 1968–1969...* P. 119.

¹⁷¹ *Komunistická strana Československa...* D. 9. Sv. 4. S. 439. Pozn. 9.

гие их пожелания и предложения принимались рабочими в качестве своих. Председателем ЦСП был избран К. Полачек, державший дистанцию от «здоровых сил» в КПЧ.

Естественно, что Москву и «здоровые силы» внутри КПЧ такая смычка учащихся и трудящихся не могла не настораживать. Кремль посылал сигналы о том, что забастовки в странах социализма – анахронизм, а если они возможны при «социализме с человеческим лицом», то таковой тоже надо отправить в прошлое.

Важно отметить внимание к событиям весны 1969 г. и со стороны Запада. Так, уже в ходе работы VII съезда профсоюзов федеральный министр внутренних дел Я. Пелнарж, со ссылкой на оценки положения в Чехословакии сотрудника госдепа США, предложил 4 марта Президиуму ЦК КПЧ предпринять решительные действия. Их необходимость диктовалась тем, что в Чехословакии «СССР не допустит дальнейшего роста сопротивления и эвентуально снова вмешается»¹⁷²

¹⁷² *Madry J.* Op. cit. S. 40.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.